

7200/1000-

Илья Муромецъ

А 228
1056

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ,

САБОЛЬШІЙ БОГАТЫРЬ

ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утвержденнаго Г-ва И. Д. Сытина.
1895.

ИЗДАНИЕ МУЗЕИ

ИЗДАНИЕ МУЗЕИ

Дозволено цензурою. Москва, 3 февраля 1895 г.

ИЗДАНИЕ

Издательство Музея

1895

Одного только не было, а именно: не было у них ни одного человека, который бы знал, что такое наука. Они все были простые люди, и потому не понимали, зачем нужно учиться. Они считали, что достаточно было работать на земле, чтобы прожить. И только в последние годы, когда пришли учителя, они начали понимать, что нужно учиться, чтобы жить лучше.

Давно это было, еще в те времена, когда землей русской правил князь св. Владимир, по прозванию „Красное Солнышко“. Въ то далекое время въ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ жилъ старикъ со старухою. Жили они ни въ чемъ не нуждаясь: домъ у нихъ былъ полная чаша, земли достаточно, и скота всякаго на дворѣ много. Тихо, мирно жили старики, — никогда не ссорились. Въ будни старикъ копался за работою на дворѣ, старуха справлялась по хозяйству въ домѣ или уходила въ огородъ, гдѣ у нея росъ разный овощъ. Въ праздники они выходили за ворота и смотрѣли на улицу, гдѣ молодежь водила хороводы. Подойдутъ къ нимъ сосѣди, и пойдутъ разговоры о томъ, о другомъ, а тамъ, смотришь, и день кончился, пора, значить, дожиться спать. Смотрятъ на нихъ сосѣди и завидуютъ ихъ мирной счастливою жизни.

Одного только недоставало старичкамъ: не было у нихъ дѣтей. Часто они тосковали объ этомъ,—больно хотѣлось имѣть имъ сына, а то умрутъ, и похоронить некому будетъ. „Видно прогнѣвали мы чѣмъ-нибудь Бога,—разсуждали старики:—за грѣхи наши наказываетъ Онъ насъ!“ И снова начинаютъ молиться, чтобы Господь смилостивился надъ ними и послалъ имъ сына, утѣшеніе подъ старость. И вотъ родился у нихъ сынъ, и назвали они его Ильей. Рады старики такому счастью. Созвали они чуть не все село къ себѣ на пиръ. Цѣлый день пировали гости, еле-еле по домамъ разбрелись... Началъ подрастать Илюша,—старики не нарадуются на него, только и дѣла у нихъ, что возиться съ нимъ, только и заботы, что о немъ. А Илюша растеть да растеть. Подошло ужъ время и ходить ему. Тутъ-то вотъ и приключилась бѣда, горе лихое. Не можетъ мальчикъ тронуть ни ногой ни рукой, сидитъ на одномъ мѣстѣ какъ истуканъ какой, ноги, какъ плети, не дѣйствуютъ, ползать и то не подъ силу ему. Крѣпко затужили старики, но ничего не могли подѣлать. Такъ мальчикъ и остался безногимъ. Время между тѣмъ шло да шло, и Ильѣ ужъ стукнуло тридцать-три года...

Однажды, — день былъ рабочій, страд-

ный,—старики ушли въ поле на работу, а Ильѣ остался на печи сидѣть, домъ караулить. Только слышитъ онъ, что подошли къ окну нищіе-странники и просятъ у него напиться.

— И радъ бы я помочь вамъ, страннички, да силы нѣтъ, встать не могу!..

— А ты попробуй,—говорятъ ему странники.

— Гдѣ ужъ мнѣ пробовать!—отвѣчаетъ Ильѣ:—сизу я сиднемъ тридцать-три года; ни рукой ни ногой пошевелить не могу!

— Будетъ тебѣ, Ильѣ, обманывать-то насъ! Говоримъ—попробуй!—кричатъ Ильѣ странники.

Нечего дѣлать, началъ Ильѣ пробовать свои ноги. Пошевелилъ одной, пошевелилъ другой и всталъ какъ встрепанный. Тогда говорятъ ему странники:

— Иди ты теперь въ подвалы глубокіе и принеси намъ пива хмельнаго,—пить хотимъ.

Побѣжалъ Ильѣ на радостяхъ и принесъ имъ чашу пива хмельнаго въ полтора ведра и началъ угощать ихъ. Но странники говорятъ ему:

— Выпей сначала самъ.

Ильѣ не прекословитъ имъ и выпиваетъ всю чашу до дна.

Тогда опять странники говорятъ ему:

— Ступай въ подвалы глубокіе и принеси намъ пива хмельнаго, — пить хотимъ.

Пошелъ Илья опять за пивомъ, приносить другую чашу въ полтора ведра и угощаетъ странниковъ; а они опять говорятъ ему:

— Выпей сначала самъ.

Илья не прекословитъ имъ и выпиваетъ чашу до дна.

Какъ только онъ выпилъ другую чашу, странники спрашиваютъ его:

— А что, много ли силушки ты чувствуешь въ себѣ, Илья?

А онъ отвѣчаетъ имъ:

— Если бы отъ земли былъ столбъ до самаго неба, а на столбѣ томъ кольцо, то я взялъ бы за кольцо и перевернулъ бы всю русскую землю!

Начали тогда странники совѣщаться промежь себя и рѣшили, что много дано Ильѣ силы, — не мѣшало бы поубавить ее, и говорятъ они въ третій разъ Ильѣ:

— Иди въ подвалы глубокіе и принеси намъ пива хмельнаго, — пить хотимъ.

Въ третій разъ Илья идетъ въ подвалъ и опять приносить странникамъ пива крѣпкаго, чашу въ полтора ведра, и подаетъ имъ, а они опять говорятъ Ильѣ:

— Выпей сначала самъ.

Илья не прекословитъ имъ и выпиваетъ третью чашу до дна.

Тогда странники опять спрашиваютъ Илью:

— А что, много ли чувствуешь ты въ себѣ силушки?

Илья отвѣчаетъ имъ:

— Чувствую я, что силы моей поубавилось наполовину!

Потолковали странники между собою и говорятъ Ильѣ:

— Будешь ты, Илья, богатырь могучій; смѣло бейся со всякимъ врагомъ и недругомъ, съ богатыремъ и татаринномъ и лихимъ воромъ разбойникомъ, не дерись только съ Святогоромъ богатыремъ: его и земля на себѣ черезъ силу носить; не бейся ты и съ родомъ Микуловымъ: его любить мать сыра-земля. Еще помни, Илья, что въ бою тебѣ смерть не писана. Много теперь силы у тебя, Илья, надо тебѣ и коня подобрать себѣ богатырскаго. Ну, да это горе небольшое: мы научимъ тебя, какъ добыть коня. Выходи ты въ чистое поле и иди ты по первой попавшейся дорогѣ. Встрѣтится тебѣ мужичокъ, а въ поводу у него будетъ жеребчикъ небольшой, лохматый, невзрачный. Ты не смотри на то, что конекъ-то неказистый, а покупай. Приведи

ты его домой и поставь на три мѣсяца въ стойло; корми его бѣлояровой пшеницей и пой всегда водой ключевой. А какъ пройдетъ три мѣсяца, выводи ты его по ночамъ въ садъ и заставляй кататься по травѣ, чтобы сталъ онъ чистый да гладкій, и такъ дѣлай три ночи сряду. Будетъ онъ у тебя веселый и красивый. Подведи ты тогда его къ высокому тыну и попробуй его силу. Если хватить у него силы тынъ перескочить и въ ту и другую сторону,—ну, значитъ, и конь для тебя готовъ богатырскій, и можешь ѣхать ты на немъ куда глаза глядятъ... А теперь, Илья, за наши услуги ты проводи насъ изъ села до чистаго поля.

Одѣлся Илья и пошелъ провожать странниковъ. Проводилъ онъ ихъ до самой горы, что чуть виднѣлась за селомъ, здѣсь и попрощался съ ними. Ушли странники, а Илья прилегъ на землю и заснулъ богатырскимъ сномъ. Проснулся онъ и самъ не помнитъ, долго ли спалъ. Всталъ Илья, умылся ключевой водой, помолился Богу и отправился по первой попавшейся дорогѣ. Немного отошелъ онъ и видитъ: ведетъ мужичокъ жеребчика неказистаго, паршиваго. Илья вспомнилъ слова странниковъ и говоритъ мужику:

— Продай мнѣ жеребчика.

Мужикъ удивился и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ же тебѣ, богатырь могучій, понадобился мой жеребчикъ? Самъ ты большой да сильный, а жеребчикъ мой малъ и безсиленъ!

Но Илья ни за что не хотѣлъ уступить коня и уговорилъ мужика продать лошадку. Купилъ Илья коня, повелъ его въ свое село, поставилъ его въ стойло; три мѣсяца кормилъ его бѣлояровой пшеницей, поилъ водой ключевой; а какъ прошло три мѣсяца, вывелъ Илья коня въ чистое поле и тамъ три ночи сряду вываживалъ да выкатывалъ его по травкѣ. Выводилъ его, выкаталъ и подвелъ къ высокому тыну; и увидѣлъ тутъ Илья, что конь его богатырскій готовъ,—взадъ и впередъ скачетъ черезъ тынъ. Осѣдлалъ Илья тогда своего жеребчика, взнуздаль его шелковой уздой, пришелъ къ своимъ родителямъ и говоритъ имъ:

— Государь мой батюшка, Иванъ Тимоеевичъ, государыня матушка, Ефросинья Яковлевна, благословите меня ѣхать въ стольный градъ Кіевъ, къ св. князю Владиміру! Я хочу,—говоритъ Илья,—послужить ему, постоять за вѣру христіанскую, перевѣдаться своей силой съ бусурманами да съ лихими разбойниками.

Тогда отецъ и говоритъ ему:

— Не чаяли и не гадали мы со старухой видѣть тебя на ногахъ, анъ вышло вонъ оно что. Хотѣлось бы намъ теперь видѣть дѣтище наше около себя при старости лѣтъ, да, видно, не удержишь сокола въ тѣсной клѣткѣ. Поѣзжай, Илья, погуляй по чистому полю, послужи землѣ русской. Только вотъ тебѣ завѣтъ нашъ: какъ поѣдешь ты путемъ-дорогой, не мысли зла и на татарина, а пуще всего опасайся убить христіанина. Какъ приѣдешь въ стольный городъ Кіевъ, помолись чудотворцамъ кіевскимъ и поклонись до земли св. князю нашему Владиміру!

Тутъ Илья обнялъ мать свою и отца, захватилъ лукъ со стрѣлами, привѣсилъ къ поясу мечъ, сѣлъ на своего коня богатырскаго и какъ соколъ помчался чистымъ полемъ прямо къ стольному городу Кіеву.

II.

Мчится стрѣлой Илья по чистому полю. Конь его добрый чуть земли касается; встрѣтится рѣчка или озеро, гора ли высокая—мигомъ перескочитъ Илья, да и былъ таковъ. Кто ни встрѣтится Ильѣ дорогой—

всякій дивится и приговариваетъ: „Вотъ это богатырь, такъ богатырь, пожалуй, на всей землѣ русской не сыщется другого такого!“ А Илья все ѣдетъ да ѣдетъ прямой дорогой, не сворачивая ни направо ни налево. И приѣхалъ онъ такимъ образомъ къ городу Чернигову, и видитъ онъ, что нѣтъ приступу къ городу: облегла его кругомъ несмѣтная рать, черная сила. Стоять подъ Черниговымъ три царевича и у каждаго по сорока тысячъ войска. Куда ни взглянетъ Илья—только и видитъ палатки бѣлыя, и нѣтъ имъ конца, а шлемы да копы на солнцѣ точно пожаръ горять. Крѣпко задумался тутъ Илья. Не хотѣлось ему нарушить слова, которое далъ онъ родителямъ, не хотѣлось преступать родительской заповѣди, да и жаль ему очень города Чернигова да мужиковъ черниговскихъ, которые сидятъ тамъ безъ выхода, того и гляди голодной смертью помрутъ. И рѣшилъ тутъ Илья Муромецъ нарушить родительскіе завѣты, взялъ онъ острый свой мечъ и врѣзался въ непріятельское войско. Какъ вихрь летаетъ Илья на своемъ борзомъ конѣ. Ударить мечомъ—улицу сдѣлаетъ, повернется на своемъ конѣ—площадь вытопчетъ, и въ короткое время всю силу непріятельскую какъ капусту искрошилъ.

Добрался Илья до царскихъ шатровъ и видитъ: стоятъ три царевича ни живы ни мертвы; усмѣхнулся Илья и говорить имъ:

— Что мнѣ дѣлать теперь съ вами: въ полонъ ли васъ всѣхъ взять или срубить съ васъ буйныя ваши головы?

— Мы рабы твои, — отвѣчаетъ одинъ изъ царевичей, что постарше: — что хочешь, то и дѣлай съ нами!

Жаль стало Ильѣ королевичей, и говорить онъ имъ:

— Кабы не были вы птенцами малыми, неразумными, снялъ бы съ васъ я ваши головы. Ну, да счастье ваше: по молодости лѣтъ вашихъ прощаю васъ и отпускаю на всѣ четыре стороны. Поѣзжайте къ родителямъ вашимъ въ свои мѣста и рассказывайте вездѣ, что не перевелись еще на Руси святой сильные, могучіе богатыри, что есть еще кому постоять за матушку русскую землю!

Поклонились царевичи Ильѣ Муромцу до самой земли и отправились въ свою землю рассказывать, какіе могучіе и сильные богатыри живутъ на землѣ русской. Тѣмъ временемъ воеводы черниговскіе стояли съ княземъ своимъ на городскихъ стѣнахъ и видѣли своими глазами, какъ Илья побивалъ непріятельскую силу. И вотъ выходитъ изъ

города самъ князь черниговскій съ воеводами и съ боярами; кругомъ него тѣлохранители идутъ, а сзади народъ и войско толпятся.

Подходить князь къ Ильѣ Муромцу, въ поясъ кланяется ему и говорить:

— Осмѣлюсь ли я пригласить добраго молодца въ свой высокій теремъ порадоваться вмѣстѣ съ нами напей великой радостью, попировать за нашимъ столомъ; хотимъ мы чествовать могучаго богатыря, что избавилъ насъ отъ злого недруга!

Ѣдетъ Илья Муромецъ въ городъ на своемъ богатырскомъ конѣ. Князь съ боярами сзади идутъ; кто ни встрѣтится, тотъ кланяется Ильѣ до самой земли, а во всѣхъ церквахъ въ колокола звонятъ. Подъѣзжаетъ Илья къ княжескому терему, выбѣгаютъ княжескіе слуги, берутъ Илью Муромца подъ руки, ведутъ его въ высокій теремъ и сажаютъ его за дубовый столъ. Стали кушать и вино пить. И спрашиваетъ князь Илью:

— Скажи намъ, добрый молодецъ, могучій богатырь, какъ звать тебя по имени, величать тебя по отчеству, и какого ты роду-племени?

Отвѣчаетъ ему Илья Муромецъ:

— Родомъ я — крестьянскій сынъ, зовутъ меня Ильей, а по батюшкѣ Ивановичемъ.

Бду я изъ города Мурома, изъ села Карачарова; путь держу въ стольный городъ Кіевъ — помолиться святымъ угодникамъ Божиимъ, поклониться князю кіевскому Владиміру; хочу послужить землѣ русскою честью и правдой.

Задумался тогда князь черниговскій, да и говоритъ Ильѣ:

— Не ѣзди, славный богатырь, въ стольный городъ Кіевъ; оставайся лучше у насъ, — будешь ты набольшимъ; отдамъ тебѣ я во владѣніе всю черниговскую землю; самъ буду твоимъ вѣрнымъ слугою.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Ильѣ, — не переступлю я своей заповѣди, поѣду въ Кіевъ, а васъ, добрые люди, прошу указать мнѣ дорогу.

Ужаснулся князь отъ этихъ словъ Ильи Муромца и опять говоритъ Ильѣ:

— Не хочешь остаться ты съ нами — на то добрая твоя воля, удамый русскій богатырь; только прошу тебя, не ѣзди ты прямою дорогою: загубишь ты свою голову. Много лѣтъ ужъ никто не ѣздитъ по этой дорогѣ; залегъ на ней богатырь одинъ, по прозванію Соловей разбойникъ; всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ убиваетъ онъ своимъ посвистомъ. Сидитъ злодѣй на двѣнадцати дубахъ, свищетъ по-соловьиному и

кричить по-звѣриному. Отъ посвиста его разбойничьяго и отъ крика его звѣринаго темные лѣса приклоняются къ землѣ, на небѣ облака разбѣгаются во всѣ стороны, рѣки и озера выплескиваются изъ береговъ, а люди за смертью на землю падаютъ. Много ужъ лѣтъ по той дорогѣ не пролетала ни одна птица, не пробѣгалъ ни одинъ звѣрь, не проѣзжалъ ни одинъ человекъ. Не ѣзди и ты, добрый молодецъ, а то не сносить тебѣ головы на плечахъ!

Не послушался Илья Муромецъ княжескихъ словъ, поблагодарилъ онъ князя и весь народъ черниговскій за ласку и привѣтъ, сѣлъ на своего коня и выѣхалъ изъ городскихъ воротъ на прямую дорогу кіевскую. Опять замелькали мимо Ильи Муромца высокія горы, глубокія озера, быстрыя рѣки, а онъ какъ соколъ мчится все впередъ и впередъ. Отъ Чернигова города и слѣда ужъ не осталось. Въѣзжаетъ Илья въ старый дремучій лѣсъ; темно въ лѣсу — ни зги не видно. Тишина мертвая, только слышно, какъ ели да сосны верхушками качаются. Ыдетъ Илья лѣсомъ, чаща страшная, даже конь спотыкаться началъ. Вдругъ среди тишины раздается страшный разбойничій свистъ, а вслѣдъ за нимъ ревъ звѣриный, да такой, какого никогда не слыхивало ухо

человѣческое. И отъ этого свиста и рева конь подъ Ильей Муромцемъ палъ на колѣни, а деревья въ лѣсу затрещали и наклонились верхушками къ самой землѣ.

Тогда говоритъ Илья своему коню:

— Ну, конь мой любезный, видно ты никогда не ѣзжалъ по темнымъ лѣсамъ, никогда не слышалъ соловьиного свиста да звѣринаго крика! Не пугайся — на тебѣ Илья сидитъ.

Поднялся конь, и видитъ Илья: впереди стоятъ двѣнадцать старыхъ престарыхъ дубовъ; всѣ они скованы крѣпко желѣзными цѣпями; на ихъ верхушкахъ, точно чанъ большой, гнѣздо устроено, а изъ гнѣзда богатырь Соловей разбойникъ глядитъ. Загорѣлось въ Ильѣ Муромцѣ богатырское сердце, натянулъ онъ поскорѣе свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ Соловья разбойника. Взвилась какъ молнія, ударила стрѣла Соловья разбойнику прямо въ правый глазъ. Застоналъ разбойникъ и какъ снопомъ повалился изъ своего гнѣзда прямо на землю. Соскочилъ съ коня Илья богатырь, подбѣжалъ къ разбойнику Соловью и схватилъ его. Взмолился разбойникъ Ильѣ:

— Не губи ты меня, славный богатырь: есть у меня малыя дѣти, кто ихъ будетъ поить, кормить безъ меня?

Говорить это разбойникъ, а у самого на умѣ совсѣмъ другое: хочется ему заманить Илью въ свой теремъ, гдѣ живутъ его три дочери со своими мужьями, тамъ было бы можно покончить съ богатыремъ по-своему. Ничего не сказалъ Соловью разбойнику Илья Муромецъ, крѣпко связалъ его, поднялъ съ земли и привязалъ къ правому стремени. Ыдетъ Илья дальше по лѣсу и видитъ, что лѣсъ все рѣже становится; не прошло и часа, какъ выѣхалъ Илья изъ лѣсу на чистую полянку и очутился около самага терема Соловья разбойника. Такого громаднаго жилья Илья Муромецъ и не видывалъ: семь верстъ занималъ одинъ теремъ, а вокругъ его стояла съ глубокими рвами, полными воды, толстая каменная стѣна; все это было обнесено еще желѣзнымъ тыномъ. Толстыя желѣзныя ворота терема были заперты на болты; лютые псы бѣгали по двору; кругомъ тына валялись головы разныхъ богатырей, погубленныхъ Соловьемъ разбойникомъ. Подѣзжаетъ Илья къ терему. Залаяли псы, и на лай ихъ вышли дочери Соловья. Посмотрѣла старшая дочь и говоритъ своимъ сестрамъ:

— Смотрите, сестры мои милыя: ѣдетъ нашъ батюшка родимый, а у стремени привязанъ мужикъ какой-то.

Взглянула младшая дочь и заплакала горькими слезами.

— Нѣтъ, не батюшка это ѣдетъ, а другой кто-то, батюшка же нашъ у стремени привязанъ.

Услышала эти слова жена Соловья разбойника, выбѣжала за ворота навстрѣчу Ильѣ, пала на колѣни и просить его отдать ей мужа, а взаменъ предлагаетъ Ильѣ золота, серебра и жемчугу, сколько душѣ его угодно. Но не падохъ былъ Илья Муромецъ на золото и не послушалъ онъ жены разбойника. Озлилась она на Илью, схватила болтъ желѣзный и хотѣла ударить имъ Илью по головѣ. Пригнулся Илья къ коню, пролетѣлъ болтъ мимо и угодилъ какъ разъ по Соловью разбойнику. Еще крѣпче озлилась баба, но тутъ Илья выхватилъ острый свой мечъ и разсѣкъ ее надвое. Видятъ это зятя, три удалыхъ молодца, и бѣгутъ на помощь тестю своему, но тутъ заговорилъ самъ Соловей разбойникъ:

— Спасибо вамъ, зятя мои милые, за любовь вашу ко мнѣ; но не трогайте вы могучаго богатыря: ужъ коли я не совладаль съ нимъ, такъ вамъ и соваться нечего. Принимайте-ка лучше его съ честью да съ почетомъ.

Смѣтилъ тутъ Илья Муромецъ, что у

Соловья опять что-то на умѣ неладное задумано, поверотилъ коня своего и поѣхалъ дальше своей дорогой, прямо на стольный городъ Кіевъ.

Ш.

Богатъ и знатенъ князь Владиміръ. Со всѣхъ концовъ земли русской собираются къ нему могучіе богатыри, именитые бояре и славные витязи. Весело живетъ князь: что ни день, то и пиръ въ его богатомъ теремѣ. Самъ хозяинъ съ княгиней своей Апраксіевной угощаетъ дорогихъ гостей; а гости чествуютъ ихъ, величаютъ. Въ мирное время устраиваетъ князь большія охоты: на медвѣдя, на волка или на лисицу; а придетъ врагъ на русскую землю—князь и тутъ не сплоснаетъ: налетитъ на врага со своими соколами—богатырями могучими и побьетъ всю вражескую силу, князей и начальниковъ въ полонъ уведетъ, а потомъ за нихъ выкупъ беретъ. И далеко-далеко, по всѣмъ концамъ русской земли, разошлась слава о привѣтливомъ и храбромъ князѣ, и нѣтъ для него иного имени, какъ князь Владиміръ „Красное Солнышко“.

Въ ту пору, какъ приѣхалъ Ильѣ, былъ

у князя почетный пиръ. Много на томъ пиру было сильныхъ и могучихъ витязей, именитыхъ бояръ и удалыхъ богатырей. Пируютъ гости; только вдругъ одинъ изъ нихъ и говоритъ князю Владиміру:

— Еще тебѣ гостя Богъ посылаетъ!

Выглянулъ Владиміръ въ окно и видитъ: въѣзжаетъ на его широкій дворъ богатырь удалый, подъѣзжаетъ къ почетному столбу, слѣзаетъ со своего добраго коня и привязываетъ его къ золотому кольцу. Смотритъ князь и дивится: поступъ и осанка богатырская, лицо же простое, деревенское. А богатырь межъ тѣмъ входитъ въ княжескій теремъ, молится святымъ иконамъ и кланяется на всѣ четыре стороны—всѣмъ боярамъ и витязямъ, а князю Владиміру съ княгиней Апраксіевой отдаетъ поклоны особые.

— Здравствуй, солнышко Владиміръ, великій князь стольно-кѣвскій, и ты, княгиня-матушка! Здравствуйте и вы, бояре именитые, могучіе богатыри, витязи славные!

Сказалъ это Илья Муромецъ, а самъ опять на всѣ четыре стороны поклонился.

Понравилось Владиміру учтивое обхожденіе Ильи Муромца, понравилась и поступъ его богатырская и осанка молодецкая. Ве-

лѣлъ князь поднести Ильѣ чару зелена вина. Подносятъ Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра; принимаетъ Илья чару съ поклономъ и выпиваетъ единымъ духомъ. Еще больше понравился Илья князю Владиміру за свою молодецкую ухватку, и спрашиваетъ его князь Владиміръ:

— Ты скажи, добрый удалый молодецъ, какъ тебя звать по имени, какъ по отчеству, откуда ты ѣдешь и куда путь свой держишь?

Отвѣчаетъ князю Илья Муромецъ:

— Ъду я изъ города Муромъ, изъ села Карачарова. Зовутъ меня Ильей, а по батюшкѣ величаютъ Ивановичемъ. Ъхалъ я въ стольный городъ Кѣвъ помолиться св. угодникамъ Божиимъ, поклониться тебѣ, князю, Красное Солнышко.

Тогда спрашиваетъ снова князь Владиміръ:

— Давно ли ты выѣхалъ изъ Муромъ, добрый молодецъ, и по какой дорогѣ ты ѣхалъ въ стольный городъ Кѣвъ?

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Въ Муромѣ отстоялъ я заутреню, а обѣдню здѣсь слушалъ. А ѣхалъ я прямой дорогой, что ведетъ изъ Муромъ, черезъ Черниговъ, прямо въ Кѣвъ.

Услыхали эти слова могучіе богатыри и говорятъ князю Владиміру:

— Не вѣрь дѣтинѣ, князь Красное Солнышко: больно онъ завирается! Не могъ онъ проѣхать по этой дорогѣ: вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ залегъ на ней Соловей разбойникъ, и не только человѣку невозможно пройти по ней,—звѣрь не пробѣжить, птица не пролетитъ!

Слушаетъ Илья эти рѣчи, усмѣхается себѣ въ бороду и говоритъ князю Владиміру:

— А не хочешь ли, князь, покажу я тебѣ этого самаго Соловья разбойника? Привезъ я его съ собой на княжескій дворъ, виситъ онъ у меня у стремени привязанный!

Испугался сначала Владиміръ, но больно захотѣлось взглянуть ему на это чудище чудное, и выходитъ онъ на широкий дворъ съ княгиней своей и со всѣми своими гостями. Видитъ Владиміръ, что и впрямь у стремени привязанъ Соловей разбойникъ, и говоритъ князь Соловью разбойнику:

— А ну-ка, Соловей воръ Рахматовичъ, засвищи по-соловьиному, закричи по-звѣриному.

Но Соловей отвѣчалъ Владиміру:

— Не твой я слуга, князь Владиміръ: я

служу могучему богатырю Ильѣ Муромцу; что онъ скажетъ, то и дѣлаю.

Князь Владиміръ обращается тогда къ Ильѣ Муромцу и говоритъ ему:

— А ну-ка, удалый богатырь, прикажи засвистать Соловью по-соловьиному, закричать по-звѣриному, потѣшь меня и гостей моихъ.

Велѣлъ Илья Соловью разбойнику свистнуть въ поль-свиста соловьиного, крикнуть въ поль-крика звѣринаго, запищѣть въ поль-шипца змѣинаго, а самъ беретъ князя и княгиню подъ руки. Соловей изловчился, поприладился да какъ свистнетъ во весь свой свистъ, во весь свой крикъ и покрылъ весь громъ шипомъ змѣинымъ! Попадали отъ того свиста и крика всѣ маковки съ теремовъ; могучіе богатыри ни живы ни мертвы на землѣ очутились; самъ князь съ княгиней какъ осиновый листъ трясутся; разбѣжались всѣ облака въ небѣ, а Днѣпръ рѣка изъ береговъ выплеснулась.

Говоритъ тогда князь Владиміръ:

— Нѣтъ, Илья Муромецъ, эта шутка намъ не надобна; уйми поскорѣе Соловья разбойника.

Илья приказалъ замолчать Соловью, сѣлъ на своего добраго коня, выѣхалъ въ чистое поле, на то мѣсто, гдѣ три дороги схо-

дятся, гдѣ камень большой лежитъ, взялъ онъ Соловья разбойника, отвязалъ отъ булатнаго стремени, привязалъ его къ тому камню и началъ рубить его на мелкіе кусочки. Рубить Илья разбойника, самъ приговариваетъ:

— Будетъ тебѣ, чудище поганое, по бѣлому свѣту разгуливать, свистѣть по-соловьиному, ревѣть по-звѣриному, шипѣть по-змѣиному; будетъ тебѣ, вору-разбойнику, слезить отцовъ и матерей, у женъ молодыхъ мужей отнимать, малыхъ дѣтушекъ пускать сиротами!

Изрубилъ Илья Соловья на мелкіе кусочки, вырылъ мечомъ своимъ глубокую яму, положилъ туда кусочки, засыпалъ землей, а сверху камень тяжелый навалилъ.

Покончивъ съ Соловьемъ разбойникомъ, Илья поѣхалъ обратно въ стольный городъ Кіевъ, къ князю Владиміру. Въѣзжаетъ Илья на широкой княжеской дворъ, а Владиміръ съ княгиней своей и со всѣми боярами именитыми выходитъ къ нему навстрѣчу и принимаетъ его съ почетомъ.

Идетъ Илья въ княжеской теремъ, подходитъ къ дубовымъ столамъ и спрашиваетъ князя Владиміра:

— Гдѣ мнѣ сѣсть велить Красное Солнышко, князь Владиміръ?

Отвѣчаетъ Владиміръ:

— Выбирай себѣ, удалый богатырь, то мѣсто, которое тебѣ полюбится!

Садится Илья на кончикъ лавки и прижимаетъ онъ бояръ да князей, да такъ поприжалъ ихъ, что они съ лавокъ попадали, другъ на другѣ очутились. Обидно показалось другимъ богатырямъ, что простой мужикъ, крестьянской сынъ, затесался на почетное мѣсто.

Вотъ одинъ изъ нихъ, славный богатырь Алепа Поповичъ, беретъ свой булатный ножъ и бросаетъ его прямо въ Илью Муромца. Схвативъ Илья этотъ ножъ какъ перышко, воткнулъ его въ столъ по самую рукоятку, а самъ усмѣхается. Увидѣли тутъ богатыри, что нельзя имъ тягаться съ Ильей Муромцемъ, уступили ему почетное мѣсто и говорятъ:

— Будь ты, старый казакъ Илья Муромецъ, намъ старшимъ братомъ. Великая у насъ на тебя надежда: будешь ты защитникомъ славному городу Кіеву!

IV.

Живетъ Илья Муромецъ въ стольномъ городѣ Кіевѣ, пируетъ за княжескимъ столомъ вмѣстѣ съ другими храбрыми богаты-

рями и ото всѣхъ почетъ получаетъ за свое удалство и за свою невиданную силу.

Прошелъ мѣсяцъ; скучно вдругъ стало Ильѣ, опротивѣли ему княжескіе пиры да хвастливыя рѣчи другихъ богатырей, и задумалъ онъ отправиться въ чистое поле погулять да силушку свою испробовать, а силушки этой въ немъ таки порядочно. Не знаетъ только Ильа, куда ему ѣхать, въ которую сторону держать свой путь, и вспомнилъ онъ тутъ тѣхъ нищихъ странниковъ, которые сдѣлали его могучимъ богатыремъ, вспомнилъ ихъ слова и завѣтъ не бороться со Святогоромъ богатыремъ.

„А что это за богатырь такой?“ думаетъ Ильа, и взяло его любопытство взглянуть на Святогора богатыря.

Прощается Ильа съ княземъ Владиміромъ, со всѣми витязями могучими и ѣдетъ въ чистое поле. Соколомъ мчится Ильа, вѣтеръ поспѣть за нимъ не можетъ; высокія горы, широкія рѣки однимъ разомъ перескакиваетъ его добрый конь. Славный Кіевъ давно изъ глазъ пропалъ. Ѣдетъ Ильа, а самъ не знаетъ, гдѣ живетъ этотъ самый Святогоръ богатырь. Видитъ Ильа, что у темнаго лѣса, на берегу широкой рѣки, стоитъ избушка. Остановливаетъ онъ своего коня, подѣзжаетъ къ избушкѣ и окликаетъ:

— Эй, выходи, кто здѣсь живетъ!

Выходитъ старичокъ старый-престарый, кланяется въ поясъ Ильѣ и спрашиваетъ:

— Откуда ѣдешь, удалый богатырь, и куда путь держишь?

— Откуда ѣду — не спрашивай, а куда ѣду — и самъ не знаю, — отвѣчаетъ Ильа. — А вотъ есть у меня до тебя просьба: укажи мнѣ дорогу къ Святогору богатырю.

— Изволь, — говоритъ старичокъ. — Поѣзжай ты въ ту сторону, гдѣ заходитъ солнце, поѣзжай прямо, не сворачивая ни направо ни налево. Долго будешь ѣхать ты, всю русскую землю проѣдешь, и увидишь тогда передъ собою высокую гору, верхушкой гора въ самыя облака входитъ; вотъ тамъ-то на самой верхушкѣ и живетъ богатырь Святогоръ!

Чудными показались Ильѣ Муромцу стариковы слова, и пуще прежняго взяло его любопытство взглянуть на дивнаго богатыря. Поблагодарилъ Ильа старика, сѣлъ на своего добраго коня и отправился въ ту сторону, гдѣ заходитъ солнце. Ѣдетъ Ильа, день и ночь ѣдетъ — нигдѣ не отдыхаетъ. Добрый конь его началъ ужъ притомляться. Только на двѣнадцатый день видитъ вдругъ Ильа конецъ земли русской, а за ней и гора стоитъ.

Подъѣзжаетъ Илья къ горѣ и видитъ, что на конѣ туда не въѣхать; слѣзаетъ онъ съ коня, привязываетъ его у столба, а самъ илетъ на гору. Лѣзетъ Илья по той горѣ день, лѣзетъ другой, а ей все конца нѣтъ. Только на третій день добрался онъ до вер-хушки, обернулся Илья назадъ—ничего не видно: кругомъ все облаками обложено, туманъ одинъ. Разсмотрѣлъ Илья, что на са-мой вершинѣ лежитъ что-то ровно комъ, большое да черное. Ударилъ Илья кулакомъ по этому чудовищу и слышитъ откуда-то голосъ:

— Кто это тамъ камешками бросается?

Понялъ тутъ Илья, что это и есть тотъ самый Святогоръ богатырь, о которомъ ему странники рассказывали. Подходить нашъ Илья къ головѣ Святогоровой, а она такъ велика, что Илья кажется передъ ней какъ былиночка.

Увидаль Святогоръ Илью и спрашиваетъ:

— Кто ты таковъ, добрый удалый моло-дець? Откуда ѣдешь? куда путь держишь?

Отвѣчаетъ Святогору Илья:

— Зовутъ меня Ильей, а по батюшкѣ Ивановичемъ; ѣду изъ города Мурома, изъ села Карачарова—посмотрѣть чудо чудное, Святогора богатыря, самъ вѣдь онъ къ

намъ на русскую землю не ѣздитъ, не по-казывается намъ, богатырямъ русскимъ.

Отвѣчаетъ Ильѣ Святогоръ богатырь:

— Ты послушай, Илья-Муромецъ: раз-скажу я тебѣ, съ какихъ поръ пересталъ я ѣздить по русской землѣ. Снарядился я разъ погулять въ чистое поле, засѣдлалъ своего добраго коня, спустился съ горы и ѣду по чистому полю. Гнется подо мной мать сыра-земля, кто ни встрѣтится—всѣ разбѣ-гаются отъ меня, какъ отъ чудища отъ ка-кого. Эхъ, думаю, много во мнѣ силы, кабы стоялъ столбъ отъ земли до неба, а въ томъ столбѣ кольцо—и перевернулъ бы всю зе-млю. Сказалъ только я это—и вижу: лежитъ въ степи переметная сумочка, маленькая, что и плюнуть не на что. Подъѣзжаю я къ ней, а конь ушами прядетъ, не хочетъ под-ходить близко. Что за диво, думаю, такое? Слѣзаю я съ коня, подхожу къ сумочкѣ, толкнулъ ее ногой, она и не пошевелилась даже; взялъ ее въ обѣ руки,—она хоть бы съ мѣста. Взяло меня диво пуще прежняго, схватилъ я сумочку, понатужился, припод-нялъ ее не выше колѣнъ, а самъ по колѣна въ землю увязъ. Понялъ я тутъ, что это знаменіе для меня, чтобы не ѣздилъ я боль-ше на русскую землю; вотъ съ тѣхъ поръ я и пересталъ ѣздить къ вамъ, а живу все

время на святыхъ горахъ, пью воду дождевую, а пищу мнѣ соколы носятъ.

Смотритъ Илья на Святогора и дивится; а Святогоръ опять говоритъ Ильѣ:

— Не ѣзжу я на святую Русь, а по горамъ святымъ мнѣ ѣздить можно. Давай, Илья, побратаемся съ тобой, помѣняемся крестами и поѣдемъ по святымъ горамъ!

Отдалъ Илья свой крестъ Святогору, а тотъ ему свой отдалъ, и пошли они внизъ по горѣ къ тому мѣсту, гдѣ Илья оставилъ коня. Беретъ Илья своего коня, а самъ у Святогора спрашиваетъ:

— Гдѣ же у тебя конь?

Усмѣхнулся Святогоръ и свистнулъ богатырскимъ свистомъ; откуда ни возьмись, летитъ съ горы огромный богатырскій конь, самъ черный какъ туча, а хвостъ и грива какъ снѣгъ бѣлѣютъ. Мигомъ вскочилъ Святогоръ на своего дивнаго коня, и поѣхали они съ Ильей Муромцемъ путешествовать по горамъ. Долго ли, мало ли они ѣхали, только видятъ на одной горѣ: гробъ стоитъ огромный, какъ домъ какой, а къ боку крышка приставлена. И говоритъ Святогоръ богатырь Ильѣ Муромцу:

— А ну-ка, Илья Муромецъ, пробуй, ложись въ этотъ гробъ. Какъ знать?—можетъ для тебя ошъ тутъ приготовлень.

Перекрестился Илья и улегся въ гробъ.

— Нѣтъ,—говоритъ Святогоръ,—не для тебя, видно, этотъ гробъ: лежишь ты въ немъ какъ младенецъ малый!

Сказалъ Святогоръ эти слова и полѣзъ самъ въ этотъ гробъ, а гробъ-то какъ разъ будто для него сдѣланъ. Испугался Святогоръ богатырь, да и хотѣлъ было вонъ изъ гроба вылѣзть,—хотѣлъ бы, да не можетъ, точно приросъ къ гробу. Видитъ Святогоръ—плохо дѣло, и говоритъ Ильѣ:

— А ну-ка, Илья, помоги мнѣ изъ гроба вылѣзти.

Только-что сказалъ эти слова Святогоръ, какъ захлопнула его наглухо крышка гробовая. Схватилъ тогда Илья мечъ и началъ рубить крышку: гдѣ ударить, тамъ полоса желѣзная вырастетъ. И кричитъ Святогоръ изъ гроба:

— Прощай, Илья! Судилъ мнѣ Господь умереть здѣсь! Чему быть—того не миновать.

Сказалъ это Святогоръ богатырь и испустилъ свой богатырскій духъ. Поклонился Илья гробу три раза, прослезился богатырь и поѣхалъ со святыхъ горъ въ русскую землю.

V.

Приѣзжаетъ Илья Муромецъ въ стольный городъ Кіевъ, прямо къ терему князя Владиміра. Самъ князь со своей княгиней, съ боярами и богатырями выходитъ къ Ильѣ навстрѣчу, берутъ его за бѣлыя руки и вводятъ въ высокій теремъ. Началь князь Владиміръ спрашиваетъ Илью:

— А скажи намъ, могучій богатырь, гдѣ побывалъ, гдѣ погулялъ, много ли съ плечъ посрубалъ богатырскихъ головъ?

Илья отвѣчаетъ:

— Не съ кѣмъ мнѣ было перевѣдаться своей силой. Одного богатыря встрѣтилъ я, да нельзя мнѣ было тягаться съ нимъ: силенъ онъ больно, его и мать сыра-земля не носить.

Тутъ Илья разсказалъ все, что съ нимъ случилось, а князь и бояре слушали его да дивились. Кончилъ разсказъ свой Илья и самъ, въ свою очередь, началъ спрашивать, какъ поживали они безъ него на святой Руси. Затуманился князь Владиміръ, затуманились и бояре.

— Плохо живется намъ, Илья Муромецъ: грозитъ царь жидовскій, на русскую землю

притти хочеть, женъ и дочерей нашихъ хочеть въ полонъ взять, а намъ, князьямъ да боярамъ, головы поснимать да изъ череповъ нашихъ чашъ надѣлать,—на веселомъ пиру, говорить, изъ тѣхъ чашъ вино пить буду.

— Не бывать тому,—сказалъ Илья:—не перевелись на святой Руси богатыри да витязи могучіе; не дадимъ мы женъ и дочерей нашихъ уводить въ полонъ; не дадимъ позорить нашу христіанскую вѣру!

Сказалъ это Илья, вышелъ на широкій дворъ, крикнулъ богатырскимъ покрикомъ:

— Эй, вы, могучіе рыцари, славные витязи! собирайтесь ко мнѣ, на княжескій дворъ: хочу къ вамъ рѣчь держать.

Откуда ни возьмись, начали съѣзжаться къ Ильѣ Муромцу могучіе богатыри и славные витязи на своихъ добрыхъ богатырскихъ коняхъ. Илья всталъ посреди богатырей и говоритъ имъ:

— Слышали ли вы, могучіе русскіе богатыри, какъ царь жидовскій похваляется? А похваляется онъ русскую землю въ полонъ взять и опоганить нашу христіанскую вѣру!

— Не бывать тому!—закричали всѣ богатыри разомъ.—Рады мы положить свои головы за святую Русь, постоять за вѣру христіанскую!

Выбираетъ тогда Илья четырехъ богатырей: Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Гришку боярскаго сына и Ваську Долгополага, а остальныхъ распускаетъ по домамъ. Выѣзжаютъ пять богатырей въ чистое поле, за стольный городъ Кіевъ, и устраиваютъ тамъ богатырскую заставу. Атаманомъ выбрали Илью Муромца, Добрыню помощникомъ атамана сдѣлали, а Алеша Поповичъ сталъ при нихъ есауломъ; Гришка же боярскій сынъ и Васька Долгополюй стражниками опредѣлены. Стоитъ богатырская застава, живутъ въ ней богатыри и не пропускаютъ они ни пѣшаго, ни коннаго, ни звѣря дикаго, ни птицы небесной, — стрѣлы богатырскія всѣхъ настигаютъ.

Долго жили богатыри такимъ образомъ; каждый день посмѣнно караулили они богатырскую заставу, каждый день крѣпкимъ дозоромъ по чистому полю разъѣзжали — все присматривались къ той сторонѣ, гдѣ лежитъ жидовская земля, но ничего тревожнаго въ полѣ не было. Хотѣли было уже богатыри снять богатырскую заставу и ѣхать въ стольный городъ Кіевъ, какъ вдругъ наѣхалъ на нихъ огромный-преогромный богатырь, и пришлось имъ перевѣдаться съ нимъ силой. А было это такъ. Очередь караулить заставу и разъѣзжать по

чистому полю была Добрынина. Ёдетъ онъ на своемъ богатырскомъ конѣ и видитъ, что со стороны жидовской земли поднимается такая пыль, что солнце затемнилось; подвигается пыль все ближе и ближе къ богатырской заставѣ. Началъ присматриваться Добрыня Никитичъ и видитъ среди пыли огромнаго богатырскаго коня, убраннаго серебромъ и золотомъ, а на конѣ сидитъ богатырь, величиной съ копну сѣнную. Ёдетъ богатырь — похваляется.

— Нѣтъ, — говоритъ, — на святой Руси мнѣ равнаго. Уважу, — говоритъ, — я своего царя жидовскаго, привезу ему голову князя Владиміра.

Подуль буйный вѣтеръ и принесъ эти хвастливыя рѣчи Добрынѣ Никитичу. Добрыня поворотилъ своего коня и поскакалъ къ богатырской заставѣ. Приѣзжаетъ онъ туда, а тамъ богатыри спятъ всѣ крѣпкимъ сномъ. Добрыня слѣзъ съ коня и началъ будить своихъ товарищей:

— Вставайте, ребятушки-братцы! не туча черная ползетъ по небу, а ёдетъ къ намъ великая бѣда. Ёдетъ богатырь изъ жидовской земли; конь подъ нимъ весь серебромъ и золотомъ убранъ, а самъ богатырь величиной съ сѣнную копну; ёдетъ онъ въ стольный городъ Кіевъ и похва-

ляется, что сниметъ голову съ князя Владиміра и отвезетъ ее своему жидовскому царю.

Богатыри повскакали всѣ до одинаго и начали держать промежь себя совѣтъ: которому изъ нихъ ѣхать перевѣдаться съ жидовскимъ богатыремъ. Положили они, было, сначала ѣхать въ чистое поле Васькѣ Долгополому.

— Нѣтъ, — говоритъ атаманъ Илья Муромецъ, — не рука ѣхать въ чистое поле Васькѣ Долгополому. Сами вы знаете, что у Васьки полы долги; и по землѣ-то онъ ходитъ, такъ у него ноги въ полахъ заплетаются, а коль столкнется съ богатыремъ, такъ ему въ полахъ и не распутаться — погибнетъ онъ ни за грошъ, ни за денежку!

Начали опять богатыри думать, кому ѣхать въ чистое поле, и порѣшили ѣхать туда Гришкѣ боярскому сыну.

Опять рѣчь свою держитъ атаманъ Илья Муромецъ:

— Не дѣло вы, ребяташки, задумали. Гдѣ ему, Гришкѣ, совладать съ богатыремъ! Сами вы знаете, что боярскіе роды хвастливые; прихвастнетъ Гришка въ бою, да и сгинетъ и душу свою боярскую зря погубитъ!

Слушаютъ богатыри и соглашаются, что

правду говоритъ ихъ атаманъ. Снова начали они разсуждать и выбрали Алешу Поповича. Но и тутъ воспротивился Илья Муромецъ.

— Нельзя, — говоритъ, — послать намъ въ чистое поле Алешу Поповича. Сами знаете, изъ какого онъ роду; глаза у него, у поповскаго сына, завидушіе, а руки загребушія. Какъ увидитъ онъ богатырскаго коня, всего золотомъ да серебромъ убранныго, позавидуетъ онъ золоту, а богатырь тѣмъ временемъ и воспользуется и вышибетъ изъ него поповскую душеньку!

Видятъ богатыри, что правду говоритъ Илья Муромецъ, и спрашиваютъ у него:

— Кому же прикажешь ты ѣхать въ чистое поле, съ жидовскимъ богатыремъ бой принять?

Велѣлъ Илья Муромецъ ѣхать въ чистое поле Добрынѣ Никитичу, храброму своему помощнику, побить въ чистомъ полѣ жидовскаго богатыря, а голову его привезти на богатырскую заставу.

Осѣдлалъ Добрыня коня, осмотрѣлъ свое оружіе и поѣхалъ въ чистое поле. Ъдетъ Добрыня и видитъ: стоитъ въ полѣ жидовскій богатырь, что копна сѣнная; по-сдержалъ Добрыня коня и крикнулъ богатырю своимъ зычнымъ голосомъ:

— Ахъ, ты, воръ-собака! какъ осмѣлился ты проѣхать черезъ нашу заставу, не бить челомъ атаману нашему Ильѣ Муромцу, мнѣ, его помощнику, Добрынѣ Никитичу, и есаулу нашему Алешѣ Поповичу въ казну золота не класть? Выходи-ка теперь противъ меня, богатыря русскаго! Я покажу тебѣ, какъ русскую землю тревожить, какъ смѣяться надъ княземъ Владиміромъ!..

Услышалъ жидовскій богатырь Добрынины рѣчи, тронулъ своего богатырскаго коня и поѣхалъ прямо на Добрыню Никитича. Отъ топота лошадинаго затряслась земля, изъ рѣкъ и озеръ выплеснулась вода, подъ Добрыней Никитичемъ конь на колѣни упалъ, а у самого Добрыни отъ страха чуть сердце не обмерло.

Началъ Добрыня тутъ Богу молиться, Мать Пресвятую Богородицу призывать. Отъ этой молитвы поднялся подъ нимъ конь; поворотилъ его Добрыня, да давай Богъ ноги, какъ трусливый заяцъ отъ охотника; захотелъ жидовскій богатырь вслѣдъ Добрынѣ.

Пріѣзжаетъ Добрыня Никитичъ на богатырскую заставу ни живъ ни мертвъ, бросается въ ноги Ильѣ Муромцу и говоритъ:

— Прости, атаманъ честной, что не оправдалъ я твоей надежды, не побилъ

жидовскаго богатыря и не привезъ тебѣ его головы кичливой!

Встаетъ Илья чернѣй да пасмурнѣй какъ осенняя ночь, идетъ на конюшій дворъ, сѣдлаетъ добраго своего коня, прощается со своими товарищами и ѣдетъ самъ въ чистое поле на смертнѣй бой. Подъѣзжаетъ Илья къ богатырю и видитъ, что онъ, сидя на добромъ конѣ, бросаетъ свое копьѣ правой рукой до самаго облака, а лѣвой рукой на лету подхватываетъ, самъ приговариваетъ:

— Какъ легко верчу я своимъ острымъ копьемъ, такъ легко буду вертѣть Илей Муромцемъ.

А Илья отвѣчаетъ:

— Охъ, богатырь удалѣй, не хвались заранѣе, не снимай съ медвѣдя шкуры, коли и медвѣдь-то еще не пойманъ. Теребишь ты, я вижу, птицу, не убивши ея!

Сказалъ это Илья и какъ вихрь понесся на жидовскаго богатыря.

Грозныя тучи такъ не сходятся, не сдвигаются, какъ сошлись два могучихъ богатыря. Ударились они въ первый разъ мечами своими булатными — поломали мечи свои, а другъ друга не ранили; разѣхались богатыри, взяли копыя въ руки и снова налетѣли другъ на друга — слома-

лись острыя копыя, а отъ ручекъ только щепки однѣ остались, а богатыри все по-прежнему цѣлы и невредимы. Схватились тогда они за руки и давай тянуть другъ друга съ коней долой, но и тутъ перетянуть другъ друга не могутъ, только кони подъ ними пали на колѣни.

Видятъ богатыри, что такъ они ничего не подѣлаютъ; слѣзли съ коней и порѣшили помѣряться силами въ рукопашномъ бою. Схватились богатыри грудь съ грудью, гнутъ другъ друга къ сырой землѣ. Начали бой съ вечера, утро настало—не кончили. Видятъ они, что такъ и не кончить имъ. Размахнулся Илья правой рукой, да поскользнулся и упалъ; сразу насѣлъ на него жидовскій богатырь. Торопится жидовина вынуть ножъ свой, чтобы съ Ильей покончить. Лежитъ Илья подъ богатыремъ, да и говорить самъ себѣ:

— Вѣдь неладно говорили мнѣ тогда странники, что не погибну я въ лихомъ бою, а умру своею смертью, честною, христіанскою; а вотъ теперь приходится мнѣ умирать отъ ножа погананаго жидовина.

Только успѣлъ это подумать Илья, какъ чувствуетъ, что силы у него прибавило вдвое противъ прежняго. Повернулся тутъ Илья Муромецъ, освободилъ одну руку и уда-

рилъ жидовина прямо въ грудь, да такъ сильно, что тотъ взлетѣлъ выше лѣса дремучаго, чуть пониже облака ходячаго. Упалъ жидовинъ и по поясъ въ землю ушелъ. Вскочилъ Илья на ноги, подбѣжалъ къ жидовину и отсѣкъ ему голову по самыя плечи.

Поѣхалъ Илья на свою заставу, а богатырскую голову на копѣ везетъ. Подѣзжаетъ Илья Муромецъ къ своей заставѣ, всѣ богатыри встрѣчаютъ его, низко кланяются ему и величаютъ его старшимъ братомъ.

— Ну,—говоритъ Илья,—тридцать лѣтъ я ѣзжу по чистому полю, а чудо такое въ первый разъ вижу!

Сказалъ это Илья и воткнулъ жидовскую голову на богатырской заставѣ, чтобы видѣли ее всѣ другіе богатыри и не проѣзжали бы безъ страха мимо заставы Ильи Муромца.

VI.

Долго ли, мало ли жили богатыри на заставѣ, только вышелъ отъ князя Владиміра приказъ разойтись имъ по своимъ мѣстамъ. Сняли богатыри заставу и поѣхали въ стольный градъ Кіевъ, къ князю Владиміру, справлять съ нимъ вмѣстѣ пиры да потѣхи.

Только одинъ Илья Муромецъ держаль свой путь въ другую сторону. Послѣ долгаго пути подѣхаль онъ къ высокой горѣ, поставилъ себѣ палатку, засыпаль коню своему корму, а самъ отдохнуть прилегъ.

Въ это время въ славномъ городѣ Во-лынцѣ, въ красномъ Галичѣ, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ прощался съ матушкой своей Афимьей Александровной:

— Свѣтъ ты мой, государыня-матушка, Афимья Александровна! дай мнѣ великое свое благословеніе ѣхать въ стольный городъ Кіевъ къ ласковому князю Владиміру. Слышаль я, что много у него знатныхъ вельможъ и бояръ, много могучихъ богатырей, но что нѣтъ сильнѣе богатыря, какъ Илья Муромецъ. Хочу я взглянуть на того дивнаго богатыря!

Отвѣчаетъ Дюку Степановичу мать его, Афимья Александровна:

— Чадо ты мое милое, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ! не хотѣлось бы мнѣ отпускать тебя на чужую сторону: молодъ ты еще. Ну, да пусть будетъ на то твоя воля. Только вотъ тебѣ завѣтъ мой: какъ будешь ты въ Кіевѣ, на пиру у ласковаго князя Владиміра, не хвались тамъ ни богатырской своей силой, ни молодецкой своей удаляю,

ни богатствомъ своимъ великимъ, а то погибнешь ты ни за что ни про что!

Сказала это Афимья Александровна, благословила и перекрестила своего сына милаго, молодого боярина. На радостяхъ побѣждалъ Дюкъ Степановичъ въ свои заповѣдныя луга, ноймалъ тамъ самаго лучшаго коня, осѣдлалъ его золотымъ сѣдломъ и привелъ его на широкій дворъ. А матушка его достаетъ ему шлемъ и панцырь изъ чистаго серебра, кольчугу изъ краснаго золота. Одѣвается Дюкъ Степановичъ въ богатырскіе доспѣхи, беретъ свой изукрашенный лукъ. Купила ему этотъ лукъ его матушка за три тысячи, а каждую стрѣлочку по пятьсотъ рублей платила; но между этими стрѣлами есть такія три стрѣлочки, что имъ цѣны нѣтъ: были онѣ выстроганы въ Новѣгородѣ, оперены перомъ сизаго орла, который леталъ надъ синимъ моремъ и уронилъ свои перья въ синее море; на ту пору ѣхали корабли, увидали корабельщики сизыя перья, собрали ихъ и продавали краснымъ дѣвушкамъ; вотъ эти-то перья и купела Афимья Александровна и оперила ими острыя стрѣлы. И дивныя же были стрѣлы, — ни у кого, кромѣ Дюка, такихъ не было: днемъ отличить нельзя ихъ въ небѣ ясномъ, а ночью горѣли онѣ въ

темнотѣ ночной какъ звѣздочки. Теперь беретъ ихъ съ собой Дюкъ Степановичъ, кладетъ въ золотой колчанъ и привѣшиваетъ его къ бедру своему; еще разъ простился Дюкъ съ матерью, взялъ лукъ богатырскій, вскочилъ онъ на своего коня и поѣхалъ въ путь-дорогу. Стоитъ его матушка на тесовомъ крыльцѣ и видитъ только, какъ пыль столбомъ въ полѣ поднимается. Потужила она, погоревала, да, видно, слезами горю не поможешь, — пошла опять хозяйство свое вести... А между тѣмъ Дюкъ Степановичъ какъ соколъ ясный несется къ стольному городу Киеву. Долго ли, мало ли ѣхалъ онъ, только наѣзжаетъ какъ разъ на тотъ бѣлополотняный шатеръ, въ которомъ спитъ богатырскимъ сномъ Илья Муромецъ.

Видитъ онъ, что у этого шатра стоитъ привязанный конь, а у коня подруги подтянуты еще туже, чѣмъ у Дюкова скакуна.

Призадумался Дюкъ Степановичъ.

— Назадъ повернуть, — разсуждаетъ онъ, — не ускачешь. Проснется богатырь и догонитъ. Въ шатеръ войти боязно, — убьетъ богатырь меня за такую дерзость!

Долго колебался Дюкъ Степановичъ, наконецъ порѣшилъ войти въ шатеръ. Вспомнилъ онъ благословеніе матушки, перекрестился и входитъ въ шатеръ, а коня

своего поставилъ у пшеницы рядомъ съ конемъ Ильи Муромца. Видитъ Дюкъ Степановичъ: лежитъ въ шатрѣ богатырь огромный, самъ старый казакъ Илья Муромецъ. Прощель страхъ у Дюка Степановича, какъ только узналъ онъ Илью Муромца, потому что слыхалъ онъ, что Илья никогда не обижаетъ неповинныхъ людей.

Дюкъ будитъ Илью Муромца. Будитъ разъ — а тотъ и не шелохнется; кричитъ ему въ другой разъ — тотъ даже и усомъ не ведеть; спитъ Илья, какъ будто передъ тѣмъ цѣлый годъ не спалъ. Наконецъ, когда уже Дюкъ Степановичъ закричалъ въ третій разъ, Илья проснулся отъ своего богатырскаго сна, протеръ себѣ глаза и, увидя незнакомаго богатыря, спросилъ его:

— А скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ, откуда ты путь держишь? Какъ тебя по имени звать, по отчеству величать?

Дюкъ Степановичъ тогда отвѣчаетъ:

— Я ѣду изъ славнаго города Волынца, а зовутъ меня Дюкомъ Степановичемъ. Ёду въ стольный городъ Киевъ поклониться князю Владиміру Красное Солнышко.

— Такъ зачѣмъ же ты разбудилъ меня отъ крѣпкаго богатырскаго сна? Или, можетъ-быть, обижаютъ тебя въ чистомъ полѣ злые татары, лихіе недруги? А то, можетъ-

быть, самому тебѣ хочется выѣхать со мною въ чистое поле испробовать свою силу?

Услыша эти слова, расплакался Дюкъ Степановичъ и говоритъ Ильѣ Муромцу:

— Вѣдь одно у насъ только свѣтитъ съ неба красное солнышко; вѣдь одинъ только на русской землѣ могучій богатырь Илья Муромецъ. Такъ какъ же я осмѣлюсь вызывать его въ чистое поле? Нѣтъ, не на то я будилъ тебя, чтобы ѣхать съ тобою на ратное дѣло. Знаю я, что тебѣ на бою смерть не написана. А я будилъ тебя, чтобы быть ты мнѣ отцомъ-другомъ, товарищемъ.

Тутъ не выдержалъ Илья Муромецъ, всталъ онъ на свои рѣзвые ноги, взялъ за бѣлыя руки Дюка Степановича, цѣловалъ его въ сахарныя уста, назвалъ своимъ меньшимъ братомъ и надежнымъ товарищемъ.

Потомъ Илья вынулъ изъ гороковъ, что были къ сѣдлу привязаны, яства разные и питья, и начали названные братья пиръ пировать. Илья спрашивалъ Дюка про его житье-бытье. Когда пришло время имъ проститься, Илья и говоритъ Дюку Степановичу:

— Поѣдешь ты одинъ въ стольный Кіевъ, старайся поспѣть къ ранней воскресной обѣднѣ; а потомъ отправляйся прямо къ князю Владиміру. Теперь у него съѣха-

лось много разныхъ бояръ и богатырей, и идетъ веселый пиръ. Пригласитъ онъ и тебя за свой княжескій столъ. Ты садись, да только помни мои слова и не хвастай тамъ ни золотой своей казной, ни другими богатствами, ни силой, ни удалью своей. А если станутъ тебя обижать на томъ пиру бояре или богатыри, ты пошли ко мнѣ въ чистое поле вѣсточку, — я буду всегда твоимъ заступникомъ.

Послѣ этихъ словъ богатыри простились. Илья Муромецъ остался въ своемъ шатрѣ, а Дюкъ Степановичъ вскочилъ на своего добраго коня и помчался къ стольному городу Кіеву. Сначала подѣхалъ онъ прямо къ церкви, поставилъ коня къ точену столбу, привязалъ его къ золотому кольцу, а самъ вошелъ въ храмъ Божій. Въ то время въ городѣ былъ дождь, повсюду была грязь, и Дюкъ Степановичъ замочилъ свою соболью шубу и замаралъ свои сапожки зеленаго сафьяна.

Приходитъ онъ въ Божій храмъ, кладетъ онъ крестъ по-христіански, на всѣ четыре стороны кланяется, а князю Владиміру съ княгиней его Апраксией отдаетъ особый поклонъ. Увидя его, Владиміръ спрашиваетъ.

— А скажи мнѣ, добрый молодецъ, откуда

ты ѣдешь и куда путь держишь? Какъ тебя зовутъ по имени, какъ по отчеству величаютъ?

Отвѣчаетъ ему Дюкъ:

— Я ѣду отъ славнаго города Волынца, а зовутъ меня Дюкомъ Степановичемъ, родомъ же я бояринъ.

Услышалъ эти слова молодой Чурила Пленковичъ, который стоялъ по правую руку князя Владиміра, — а былъ этотъ Чурила Пленковичъ большой насмѣшникъ, — и говоритъ:

— Не вѣрь ему, великій князь, это вовсе не бояринъ Дюкъ Степановичъ, а просто боярскій холопъ, который ѣхалъ по полю, встрѣтилъ какого-нибудь боярина, убилъ его, а одежду его боярскую взялъ себѣ.

Смолчалъ на эту обиду Дюкъ Степановичъ, — помнилъ онъ завѣтъ своей матери.

Когда кончилась обѣдня, князь Владиміръ съ княгиней своей и со всѣми боярами и богатырями отправились въ княжескій теремъ. Идетъ съ ними и Дюкъ Степановичъ. Идетъ онъ по грязи и все на сапожки свои поглядываетъ да съ шубки своей собольей грязь отряхаетъ. Увидя это, Чурила Пленковичъ опять началъ надъ нимъ издѣваться:

— А вѣдь и впрямь онъ самозванный бояринъ, по ухваткамъ видно, что холопъ. Видно, что вѣкъ не носилъ такихъ сапогъ и такой шубы, — все на нихъ поглядываетъ!

Не вытерпѣлъ тутъ Дюкъ Степановичъ и говоритъ Чурилѣ Пленковичу:

— Нѣтъ, не боярскій я холопъ, а такой же природный бояринъ, какъ и ты. Да то бѣда, что у васъ здѣсь не по-нашему. Улицы у васъ черной землей усыпаны, залило ихъ дождевой водой, — грязь и вышла; а у моей матушки, государыни Афимьи Александровны, отъ самой церкви вплоть до высокаго терема проведены калиновые мосты, а по тѣмъ мостамъ настланы богатыя сукна, — такъ ужъ не замараешь у насъ сапожки зеленые. Да и церкви-то у васъ въ Кіевѣ все деревянныя, а маковки на нихъ осиновыя. У моей же матушки церкви всѣ каменные, выбѣленные чисто-начисто известкой, а маковки на церквахъ позолоченныя, обсыпанныя самоцвѣтными камнями. Дома у васъ здѣсь въ Кіевѣ тесомъ да соломой крыты, а у насъ на всѣхъ домахъ крыши золоченыя.

Замолчалъ тутъ Чурила Пленковичъ, услыша такія рѣчи отъ Дюка Степановича, и пересталъ издѣваться надъ нимъ. Недолго шли они, скоро дошли и до княже-

скаго терема. Ласковый князь Владиміръ приглашаетъ всѣхъ за княжескій столъ. Съѣли богатыри и бояре вокругъ стола, и начался веселый пиръ. Съѣлъ съ ними и Дюкъ Степановичъ. Только скучно ему тутъ. Съѣсть онъ одинъ калачикъ, а другой подъ столъ бросить; выпьетъ одну чару вина, а другую подъ столъ выльетъ. Увидалъ это князь Владиміръ и говоритъ:

— Что же ты, молодой бояринъ, одинъ калачъ ѣшь, а другой подъ столъ бросаешь, одну чару пьешь, а другую на полъ выливаешь? Тогда отвѣчаетъ ему Дюкъ Степановичъ:

— Ты прости меня, ласковый князь Владиміръ, не привыкъ я къ такимъ калачикамъ. Пахнутъ они у тебя сосновой корой, а напитки твои попрокисли, неприятно мнѣ и пить ихъ. Печка у тебя, князь, видно, глиняная, а помело сосновое. У моей же родимой матушки Афимьи Александровны печки всѣ до единой муравлены, помело у нея шелковое, мочать его въ медовой росѣ. А ужъ калачики-то какіе пекутъ у насъ — и не рассказать мнѣ тебѣ. Хоть вѣрь, хоть не вѣрь, одинъ съѣшь — за другимъ рука тянется, а другой съѣшь — третій ужъ и съ ума пойдетъ. Медъ, говорю, у тебя затхлый да попрокисъ крѣпко, а у насъ

онъ повѣшенъ въ бочкахъ-сороковкахъ на серебряныхъ цѣпяхъ, въ глубокихъ-преглубокихъ погребахъ. Въ тѣхъ погребахъ постоянно дуютъ буйные вѣтры и не даютъ сладкому меду ни прокисаться ни затхнуться. А что только за медъ! Одну чару пьешь — за другой рука тянется, другую пьешь, — третья съ ума пойдетъ. Да ужъ коли на то пошло, такъ скажу я тебѣ, что богатствъ такихъ, какъ у моей матушки, нигдѣ не сыскать. Платьями цвѣтными всѣ амбары завалены; портнихи да портные со двора нейдутъ; добрымъ конямъ нѣтъ счету. Падутся они себѣ на заповѣдныхъ лугахъ, ѣдятъ они только пшеницу бѣлояровую. Есть у моей матушки еще двѣнадцать погребовъ глубокихъ-преглубокихъ; съ низу до верху всѣ они засыпаны золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ. На одинъ погребъ куплю я весь Кіевъ городъ вмѣстѣ съ Черниговымъ, на другой погребъ половину русской земли куплю, а на третій всю матушку святую Русь куплю!

Слушаютъ богатыри Дюковы рѣчи и удивляются, какія богатства могутъ быть на бѣломъ свѣтѣ. Одинъ только Чурила Пленковичъ усмѣхается, — не вѣритъ Дюку Степановичу и говоритъ князю Владиміру:

— Великій князь, государь нашъ, ужъ

коли правду онъ говоритъ, такъ пусть побьется со мной о закладъ. Будемъ мы ъздить съ нимъ три года, и будемъ мѣнять мы каждый день новое платье и новыхъ коней. Будемъ приѣзжать мы къ тебѣ, князь, а ты будешь нашимъ судьей и каждый разъ говори намъ, у кого изъ насъ лучше и платье и конь.

— Хорошо,—сказалъ Владиміръ.

Согласился и Дюкъ Степановичъ. Порѣшили, что который богатырь проиграетъ, тому голову рубить.

Началъ собираться Дюкъ Степановичъ домой за конями богатырскими и цвѣтными платьями, а другіе богатыри его не пускаютъ.

— Нѣтъ,—говорятъ они ему,—ты лучше напиши своей матушкѣ, и пусть она пошлетъ тебѣ сюда и коней и платьевъ, а то вѣдь мы тебя не знаемъ. Можетъ-быть, ты разбойникъ какой; поѣдешь да дорогой и награбишь себѣ добра всякаго!

Запечалился отъ этихъ словъ молодой Дюкъ Степановичъ, да дѣлать нечего. Видно, не давши слова крѣпись, а давши держись, а голову съ плечъ терять никому не охота. Думалъ-думалъ Дюкъ Степановичъ и надумалъ послать къ своей матушкѣ своего вѣрнаго товарища — коня богатырскаго.

Ни слова не говоря, сѣлъ Дюкъ за столъ и написалъ письмо къ своей матушкѣ, чтобы выслала она ему разныхъ цвѣтныхъ платьевъ, самыхъ что ни на есть лучшихъ и богатыхъ. Положилъ потомъ онъ это письмо въ переметную сумку, привязалъ ее къ сѣдлу и отпустилъ своего бурку на всѣ четыре стороны.

Долго бѣжалъ бурка мимо высокихъ горъ, глубокихъ озеръ и рѣкъ, пока доскакалъ до города Волицы. Вбѣгаетъ онъ прямо на дворъ къ Афимѣ Александровнѣ и начинаетъ ржать,—вѣсть о себѣ подаетъ. Какъ услышала Дюкова мать лошадиное ржанье, выбѣжала на крыльцо и, увидя коня безъ Дюка Степановича, начала заливаться слезами и приговаривать:

— Охъ, не туча черная разразилась надъ моей бѣдной головой, разразилась надъ ней бѣда великая! Видно, погибъ гдѣ-нибудь въ полѣ молодой мой бояринъ. Оставилъ онъ меня сиротой доживать свой вѣкъ. Лежитъ онъ гдѣ-нибудь теперь въ чистомъ полѣ, а коршуны клюютъ его бѣлое тѣло!

Услыхала эти слова старая нянька ея и говорить:

— Полно тебѣ, боярыня, убиваться, посмотри лучше въ сумочку переметную, авось, тамъ для тебя вѣсточка найдется!

Афимья Александровна подбѣжала къ буркѣ, взяла сумку и вытасила изъ нея письмо отъ своего милаго сына. Какъ прочитала она, такъ и ахнула и начала торопить своихъ слугъ, чтобы вынимали они изъ сундуковъ самыя богатыя платья. Набрала она на три года да еще на три дня — и на каждый день по три перемѣны, одна другой лучше; положила всю одежду въ переметныя сумки и отпустила бурку обратно въ Кіевъ.

Быстрѣе стрѣлы помчался вѣрный конь. Не прошло и трехъ дней, какъ онъ снова вбѣжалъ на широкой дворъ княжескаго терема и заржалъ такъ громко, что Дюкъ Степановичъ сразу его услышалъ и выбѣжалъ встрѣчать своего вѣрнаго слугу. Выбираетъ Дюкъ платье изъ сумокъ, а самъ гладитъ коня и приговариваетъ:

— Добрый ты мой конь, товарищъ вѣрный, спасибо, что выручилъ меня изъ великой бѣды!

Дюкъ Степановичъ одѣлся въ одежду драгоцѣнную; одѣлся и Чурила Пленковичъ, и поѣхали они по городу по всемъ улицамъ; такъ стали они ѣздить каждый день. У Чурилы, что ни день, то и новый конь, а у Дюка одинъ только бурка. Встанетъ Дюкъ Степановичъ рано поутру, вы-

ѣдетъ въ чистое поле, выкупаетъ своего бурку въ росѣ, — глядь, а на буркѣ ужъ новая шерсть, словно бы и не бурка это, а совсѣмъ другая лошадь. Ѣздили они такъ, Ѣздили, только видятъ Чурила Пленковичъ, что не сладить ему съ Дюкомъ Степановичемъ. У Чурилы одежда драгоцѣнная; кафтанъ весь разубранъ серебромъ да золотомъ; вмѣсто пуговокъ добрыя молодцы изъ жемчуга сдѣланы, а вмѣсто петелекъ красныя дѣвицы изъ золота вылиты. Застегнетъ Чурила кафтанъ свой — молодцы съ дѣвицами обоймутся, разстегнетъ — поцѣлуются. Смотритъ Чурила, и на Дюкѣ такой же кафтанъ надѣтъ, только еще лучше; на головѣ у Дюка соболя шалка, спереди вдѣлано красное солнце, а сзади ясный мѣсяцъ. Пришли оба боярина въ этихъ одеждахъ къ воскресной обѣднѣ. Подходить Дюкъ Степановичъ къ князю Владиміру и спрашиваетъ:

— Скажи, великій князь, которому изъ насъ теперь голову рубить?

Испугался Чурила Пленковичъ, упалъ онъ въ ноги князю Владиміру и говоритъ:

— Потерпи еще немного. Пусть Дюкъ еще ударится со мной о закладъ. Выѣдемъ мы съ нимъ на берегъ Днѣпра; который изъ насъ перескочитъ черезъ рѣку, тотъ и

пусть рубить голову, а кто не перескочитъ, тому подставлять ее!

— Ладно! — сказала Владиміръ.

Согласился и Дюкъ Степановичъ. Только что кончилась воскресная обѣдня, князь Владиміръ идетъ на берегъ великой рѣки — Днѣпра; садится онъ на почетное мѣсто, а вокругъ него собираются знатные бояре и могучіе витязи смотрѣть на потѣху молодецкую. Приѣхалъ тутъ и Илья Муромецъ. Подъѣзжаетъ онъ къ Чурилѣ и говоритъ:

— Неправильно ты, бояринъ, поступаешь. Три года вы ѣздили съ Дюкомъ по уговору. Проигралъ ты закладъ, да опять снова начинаешь. Ну, да Богъ съ тобой, — бейтесь о закладъ! Все равно Дюковой головы я вамъ не дамъ: побратались мы съ нимъ, и сталъ онъ моимъ младшимъ товарищемъ!

Отъ этихъ словъ у Чурилы морозъ по кожѣ пошелъ, волоса дыбомъ встали, да дѣлать нечего, отступаться отъ своихъ словъ нельзя, и говоритъ онъ Дюку Степановичу:

— Ну, поѣзжай ты первый черезъ рѣку, а я за тобой махну.

— Нѣтъ, Чурила, тебѣ первому начинать, потому что ты вѣдь первый затѣялъ похвальбу. Скачи, а я ужъ за тобой!

Перекрестился Чурила Пленковичъ, далъ шпоры своему борзому коню. Отдѣлился конь отъ земли, высоко прыгнулъ, да на половинѣ рѣки и палъ. Вслѣдъ за нимъ скакнулъ и Дюкъ Степановичъ. Чуть не до облаковъ взвился его вѣрный бурка и прямо угодилъ на другой берегъ. Смотритъ Владиміръ на тотъ берегъ и видитъ, что Дюкъ поворачиваетъ своего коня обратно и опять скачетъ. На половинѣ рѣки онъ спустился до воды, схватилъ Чурилу за черные кудри и вытащилъ его изъ воды на сухой берегъ. Тутъ князь Владиміръ не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— А и молодецъ же ты, бояринъ лихой! Ну, теперь твоя власть: руби, коли захочешь, Чурилѣ голову!

— Нѣтъ, не дѣло ты говоришь, ласковый князь, — отвѣчаетъ ему Илья Муромецъ. — Чурила и такъ за свое бахвальство наказанъ. У Дюка Степановича сердце молодое да доброе, не станеть онъ рубить головы Чурилѣ: нельзя христіанину губить христіанскую душу!

Дюкъ послушался Ильи Муромца и простилъ Чурилу Пленковича.

УП.
и Прямо съ берега Владиміръ пригласилъ
всѣхъ бояръ и богатырей могучихъ къ себѣ
въ высокій теремъ на большой веселый
пирь, — чествовать молодого боярина Дюка
Степановича. Забылъ только позвать Илью
Муромца. Ушелъ Владиміръ съ боярами и
богатырями въ свой теремъ; сѣли они тамъ
за дубовые столы, пиво-медъ пьютъ, весе-
лая рѣчи ведутъ, а объ Ильѣ и забыли
совсѣмъ.

А онъ, оставшись одинъ на берегу, на-
чалъ думу думать, какъ бы наказать за
такую обиду князя Владиміра: ужъ больно
ему было досадно. „Не я ли служу ему вѣ-
рой и правдой, защищаю стольный Кіевъ
отъ поганыхъ татаръ и жидовъ, оберегаю
весь княжескій дворъ. Или стыдно ему
было вмѣстѣ съ боярами посадить Илью,
крестьянскаго сына? Погоди же, князь, по-
помнишь ты Илью!..“ Подумаль это Илья
и пошелъ въ городъ Кіевъ, дошелъ до
околицы да и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Эй, вы, пьяницы, кабацкая голь, со-
бирайтесь ко мнѣ поскорѣе! Хочу я съ

вами сегодня пирь пировать. Не однимъ
князьямъ да боярамъ зелено вино да медъ
сладкій, надо и намъ, простымъ мужикамъ,
отдохнуть отъ трудовъ тяжкихъ!
Откуда ни возьмись, налетѣли какъ
саранча пьянчужки разные, рваные, въ
лохмотьяхъ. Взялъ тутъ Илья свой тугой
лукъ, натянулъ его и пустилъ свою стрѣлу
прямо въ княжескій теремъ. Попала стрѣла
въ теремъ, и посыпались съ терема его
золотыя маковки. А Илья кричитъ своимъ
товарищамъ:

— Эй, други вы милые, бѣгите скорѣе
на княжескій дворъ и собирайте тамъ зо-
лотыя маковки, продадимъ ихъ, а на тѣ
деньги купимъ себѣ зелена вина!

Побѣжали мужики на княжескій дворъ,
набрали полные карманы золотыхъ мако-
вокъ и тутъ же купцамъ ихъ и продали.
Купили на эти деньги двадцать бочекъ
зелена вина и начали вмѣстѣ съ Ильей
пирь пировать. А въ княжескомъ теремѣ
всѣ перепугались, самъ князь Владиміръ
ни живъ ни мертвъ сидитъ; видитъ онъ,
что несподручно ему съ Ильей Муромцемъ
ссоры затѣвать, а какъ бѣду поправить, —
не придумаетъ. Тогда княгиня его. Апра-
ксія и говоритъ ему:

— Нехорошо ты сдѣлалъ, что не по-

звалъ Илью на свой пиръ. Вѣдь онъ первый богатырь на землѣ русской; что захочетъ, то и сдѣлаетъ съ нами. А сдѣлайка ты, князь, другой пиръ, больше перваго, да и пригласи могучаго богатыря. Не рука тебѣ съ нимъ ссориться: наѣдутъ поганые татары,—некому и защитить будетъ нашъ городъ Кіевъ!

— Истинную правду ты говоришь, княгиня моя ласковая. Сдѣлаю я большой пиръ и позову стараго казака Илью Муромца!

Сдѣлалъ Владиміръ другой пиръ и началъ думать съ боярами своими и богатырями, какъ умилоstitь Илью Муромца и кого послать за нимъ. Долго думали бояре и надумали послать Добрыню Никитича.

— Ступай ты, славный богатырь Добрыня Никитичъ, поклонись Ильѣ Муромцу до земли и приведи его сюда за княжескій столъ. Вѣдь ты ему приходишься братомъ крестовымъ. Никого онъ, кромѣ тебя, не послушаетъ!

Тогда Добрыня Никитичъ отправляется за околицу, гдѣ все еще пируетъ Илья со своими друзьями-приятелями, подходитъ къ нему, кланяется до земли и говоритъ:

— Здравствуй, братецъ крестовый! Послалъ меня къ тебѣ великій князь Влади-

миръ, чтобы поклонился я тебѣ до земли и привелъ тебя за княжескій столъ. У князя нарочно для тебя заготовленъ большой веселый пиръ. Отказаться ты не можешь: самъ ты положилъ заповѣдь и подписью подписалъ, чтобы быть намъ братьями и слушаться другъ друга во всемъ и другъ за друга стоять!

Отвѣчаетъ Добрынѣ Никитичу Илья Муромецъ:

— Знаю я, что ты мнѣ братъ крестовый, и долженъ я тебя слушаться. Будь по-твоему,—пойду съ тобой въ княжескій теремъ. Зналъ Владиміръ, кого послать за мной. Хоть и не хочется мнѣ къ князю итти, да и заповѣдь-то переступить нельзя!

Обратился Илья къ своимъ друзьямъ-приятелямъ и сказалъ имъ:

— Ну, нечего дѣлать, друзья мои, приглашаетъ насъ князь Владиміръ на пиръ къ себѣ, воздаетъ намъ великую честь. Воздадимъ и мы ему,—сядемъ за княжескій столъ. Живо собирайтесь, время ужъ князю и пиръ пировать!

Закручинилась голь кабацкая.

— Какъ намъ итти въ княжескій теремъ,—разсердится князь и велитъ насъ повѣситъ на первой осинѣ!

— Живо собирайтесь!—крикнулъ опять

Илья Муромецъ. — Со мной вамъ нечего бояться: никто не посмѣетъ васъ пальцемъ тронуть!

Собрались мужички и отправились вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ и Добрыней Никитичемъ къ князю Владиміру пировать за его княжескимъ столомъ. Приходятъ въ теремъ князя, а онъ ихъ уже на крыльцѣ поджидаетъ. Вводитъ князь всѣхъ въ высокія палаты и сажаетъ за дубовые столы, а Илью хочетъ посадить на самое почетное мѣсто; но Илья отклоняется и говоритъ:

— Не мѣсто мнѣ, мужику, сидѣть съ князьями да боярами. Сяду я лучше на самый край рядомъ съ моими товарищами!

Такъ и не могъ уговорить Владиміръ Илью сѣсть по правую свою руку. Когда кончился пиръ, Илья богато одарилъ своихъ товарищей, пьяныхъ мужичковъ, и распустилъ ихъ по домамъ, а самъ, забывши обиду, остался при княжескомъ дворѣ. Весело жилось ту пору въ Кіевѣ. Кругомъ было тихо: ни татары поганые ни разбойники не мутили русской земли. Богатырямъ работы совсѣмъ не было. Каждый день собирались они за княжескимъ столомъ и пировали отъ зари до зари. Долго ли, мало ли пировали они, только взгрустнулось богатырямъ, и захотѣли они по-

навѣдать каждый свою родимую сторонку, повидаться со своими родителями. Стали они проситься у Владиміра, чтобы отпустилъ онъ ихъ по своимъ мѣстамъ. Тогда говоритъ имъ Владиміръ:

— Спасибо вамъ, могучіе богатыри, за вашу вѣрную службу. Вѣкъ я ея не забуду. Отпускаю теперь васъ по своимъ мѣстамъ, только не оставляйте меня и впредь одного. Коли татары или другіе недруги будутъ грозить русской землѣ, — кликну я кличъ — собирайтесь тогда опять постоять за вѣру христіанскую!

Богатыри дали обѣтъ никогда не забывать князя Владиміра и явиться снова къ нему, какъ только онъ ихъ позоветъ. На прощанье князь устроилъ большой пиръ, такой, какого еще никогда до тѣхъ поръ не бывало. Собрались на этотъ пиръ всѣ бояре, богатыри и славные витязи, пировали цѣлыхъ три дня и три ночи. Во время пира Владиміръ началъ одаривать своихъ гостей, — кого золотомъ, кого жемчугомъ, кого серебромъ; одному только Ильѣ Муромцу ничего не досталось, опять забылъ о немъ князь. Тутъ княгиня Апраксія и говоритъ Владиміру:

— Нехорошо, князь, ты дѣлаешь! Всѣхъ бояръ и богатырей одарилъ ты, а

Илью Муромца, главнаго своего помощника, забыть.

Спыхватился Владиміръ, да ужъ поздно: Илья вышелъ невеселый изъ-за княжескаго стола и ушелъ въ чистое поле. Владиміръ призываетъ своихъ слугъ, отдаетъ богатую соболью шубу, что досталась ему отъ плѣннаго татарскаго царевича, и говоритъ имъ:

— Отнесите этотъ подарокъ отъ меня Ильѣ Муромцу. Пусть онъ забудетъ свою обиду!

Слуги взяли шубу и направились отыскивать Илью Муромца. До самой ночи его искали, наконецъ нашли его спящимъ подъ деревомъ. Разбудили Илью княжескіе слуги и отдаютъ ему шубу. Схватилъ ее Илья за одинъ рукавъ, схватилъ за другой—и изъ одной шубы сразу двѣ сдѣлались.

— Скажите князю,—говоритъ Илья слугамъ,—что не нуждаюсь я въ его подаркахъ. Скажите ему, что какъ рвалъ я царевичей татарскихъ, такъ и шубу его бурманскую разорвалъ надвое!

Направились слуги къ князю и доносятъ ему, что всѣмъ богатырямъ по душѣ пришли его подарки, только одному Ильѣ не угодилъ онъ: какъ получилъ Илья шубу, такъ и разорвалъ ее надвое. Сильно раз-

гнѣвался Владиміръ на Илью Муромца, призываетъ богатырей и говоритъ имъ:

— Удалые могучіе богатыри, сослужите мнѣ послѣднюю службу: разыщите Илью Муромца, приведите его въ глубокой подвалъ, закройте тамъ его чугунной рѣшеткой, а подвалъ завалите разнымъ дубьемъ, а сверху засыпьте его желтымъ пескомъ.

Не смѣютъ послушаться князя Владиміра богатыри, и поѣхали они отыскивать Илью Муромца. Долго они ѣздили по чистому полю, наконецъ нашли Илью спящимъ въ своемъ бѣлополотняномъ шатрѣ. Слѣзли съ коней богатыри, стоятъ около шатра, а войти не смѣютъ. Тогда Алеша Поповичъ, самый хитрый изъ всѣхъ, и говоритъ:

— Не взять намъ Ильи доброй волей, надо связать его, пока онъ спитъ!

Послушались богатыри, тихо вошли въ шатеръ и связали сонному Ильѣ руки и ноги, а потомъ начали будить его. Просыпается Илья, хочетъ двинуть рукой—привязана; хочетъ пошевелить ногой—тоже привязана. Догадался Илья, что обмануть онъ своими же товарищами, понатужился и разорвалъ всѣ веревки. Богатыри со страху начали разбѣгаться, но Илья крикнулъ имъ:

— Эй, вы, княжескіе слуги, пакостливыя

кошки, трусливые зайцы! чего вы испугались? Развѣ не знаете, что Илья никому еще въ жизни своей не дѣлалъ зла!

Сказалъ это Илья, переловилъ и перевязалъ всѣхъ богатырей по одному, свалилъ ихъ въ кучу около своего шатра, а самъ сѣлъ на своего борзаго коня и поѣхалъ въ стольный городъ Кіевъ, прямо къ князю Владиміру. Приѣзжаетъ на княжескій дворъ и велитъ слугамъ отвести себя въ глубокой подвалъ, навалить на себя рѣшетку чугунную, а подвалъ дубьемъ завалить и засыпать желтымъ пескомъ. Слуги такъ и сдѣлали, а коня его, вѣрнаго бурку, отпустили на всѣ четыре стороны, какъ приказалъ Илья. Потомъ пошли слуги къ князю и доложили ему обо всемъ, что случилось. Испугался Владиміръ и велитъ слугамъ осѣдлать коней и ѣхать отыскивать богатырей. Нашли слуги богатырей около палатки связанными, развязали ихъ и сказали, что князь-де Владиміръ желаетъ ихъ видѣть.

— Нѣтъ, — отвѣчали богатыри, — не поѣдемъ мы къ нему больше: нехорошо онъ поступаетъ съ богатырями. Обидѣлъ онъ Илью Муромца, черезъ него и намъ досталось!

Сказали это богатыри, сѣли на своихъ коней и поѣхали каждый въ свою родимую

сторону, — только ихъ Владиміръ и видѣлъ. Когда онъ узналъ отъ слугъ, что богатыри его не послушались, разгнѣвался пуще прежняго, захотѣлъ выместить все зло на Ильѣ Муромцѣ и не велѣлъ давать ему ни воды ни хлѣба, — голодной смертью хотѣлъ его уморить.

Узнала объ этомъ княгиня его Апраксія, велѣла своимъ слугамъ, тайкомъ отъ князя, вырыть подкопъ подъ тотъ подвалъ, гдѣ сидѣлъ Илья Муромецъ, и каждый день сама отсылала ему кушанье въ разныхъ и цѣлое ведро сладкаго меду. Кормила она Илью Муромца такимъ образомъ цѣлыхъ три года.

УШ.

Послѣ отъѣзда богатырей въ княжескомъ теремѣ опять начались пиры и веселье. Не любилъ великій князь проводить скучно время, — отдохнетъ немного и опять начнетъ веселиться. Надоѣдаютъ пиры, соберетъ онъ тогда бояръ и вельможъ и отправится съ ними на охоту; разѣзжаетъ отъ зари до зари за сѣрыми волками да медвѣдями.

Гуляетъ себѣ князь Владиміръ и не подозреваетъ совсѣмъ, что идетъ на него великая бѣда, что хочетъ надъ нимъ разра-

зиться гроза. А гроза ужь недалеко. Изъ поганой татарской орды поднимается на русскую землю самъ ханъ Батыга Батыговичъ съ несмѣтною силой. Не успѣли на Руси и перекреститься, какъ Батыга очутился подъ самымъ Киевомъ и разбилъ свой станъ въ семи верстахъ, на берегу быстраго Днѣпра. Орда его, какъ саранча, покрыла землю на сто верстъ кругомъ; отъ скрипа телѣгъ и отъ ржанья коней въ Киевѣ нельзя слышать слова, не слышно даже колокольнаго звона. Отъ пару конянаго и мѣсяцъ, и звѣзды, и солнце померкли, такъ что нельзя отличить дня отъ ночи. Киевляне ужь начали каяться въ своихъ грѣхахъ и готовиться къ смерти. Приунылъ князь Владиміръ и кается тоже, что отпустилъ богатырей.

„Послать бы за ними, да некого; да и не пойдутъ, пожалуй: больно я ихъ разобидѣлъ гордостью своей княжеской!“ думаетъ такъ про себя Владиміръ.

А Батыга межъ тѣмъ не дремлетъ. Велитъ онъ своему писарю писать письмо Владиміру, что возьметъ-де онъ, Батыга, столичный Киевъ, разберетъ по камешку Божиіи церкви, а народъ вмѣстѣ съ княземъ уведетъ въ свою орду и тамъ замучитъ въ рабствѣ. Когда письмо было кончено, при-

зываетъ Батыга самага сильнаго своего богатыря, ростомъ въ полторы сажени, отдаетъ ему письмо и говоритъ:

— Поѣзжай ты, мой вѣрный слуга, прямо въ столичный Киевъ, только не въѣзжай въ ворота, а скачи прямо черезъ городскую стѣну. Заѣзжай на дворъ княжескій, брось князю Владиміру мое письмо, а ему, князю, съ княгиней не кланяйся.

Садится татаринъ на коня и ѣдетъ къ Киеву. Богатырскій конь мигомъ перескакиваетъ черезъ городскую стѣну и привозитъ татарина на княжескій дворъ. Соскакиваетъ съ коня татаринъ, къ столбу коня не привязываетъ и бѣжитъ прямо въ княжескіе покои; войдя въ покои, не молится, Владиміру и Апраксії не кланяется, бросаетъ письмо своего хана на столъ передъ Владиміромъ и говоритъ князю:

— Не медли, князь, а сдай поскорѣе намъ Киевъ безъ бою и безъ напраснаго кровопролитія. Все равно ничего тебѣ не подѣлать съ нашимъ ханомъ: войска у него столько, что если пустить оно свои стрѣлы, то не видно будетъ краснаго солнца.

Распечаталъ Владиміръ ханское письмо, прочиталъ его и заплакалъ. Заплакали вмѣстѣ съ нимъ и бояре его.

— Подѣломъ мнѣ посылаетъ Богъ испы-

таніе это, — говоритъ Владиміръ. — Обидѣлъ я богатырей ни за что ни про что, а больше всѣхъ — стараго Илью Муромца. Если бы былъ теперь живъ Илья, не позволилъ бы онъ злему татарину смѣяться надъ русской семьей. Вотъ ужъ три года, какъ я его засадилъ въ глубокой погребъ и уморилъ тамъ голодною смертію!

Подошла къ нему княгиня Апраксія да говоритъ:

— Не убивайся, князь Красное Солышко, а иди-ка лучше въ глубокой погребъ да позови по имени Илью Муромца. Можетъ-быть, и живъ еще старый богатырь!

— Дивлюсь я на твои неразумныя рѣчи, княгиня, — отвѣчаетъ Владиміръ. — Какъ можетъ остаться живымъ человѣкъ, когда три года не давали ему ни пить ни ѣсть?..

— Охъ, прости меня, князь Владиміръ, за мою вину: не дала я умереть славному богатырю, — три года сама носила ему пищу.

Привскочилъ на радостяхъ князь Владиміръ чуть не до самаго потолка и бѣжитъ къ глубокому погребу, куда три года тому назадъ велѣлъ бросить живымъ Илью Муромца. Подбѣгаетъ князь къ погребу и видитъ чудо чудное: сидитъ Илья Муромецъ живой и здоровый и читаетъ евангеліе, а передъ нимъ горитъ восковая свѣча. Уви-

дѣлъ его Владиміръ, заплакалъ отъ радости и говоритъ Ильѣ:

— Прости меня, Илья Муромецъ, хоть и не стою я того; прости за гордость сатанинскую, за великую обиду. Случилась со мной большая бѣда, разразилась надъ русской землей гроза небывалая. Самъ Батыга, татарскій ханъ, съ силою несмѣтною подступилъ къ нашему городу и грозитъ всѣхъ насъ въ плѣнъ забрать, а церкви и дома разнести по камешку. Защити насъ, могучій богатырь, не ради меня, но ради вѣры христіанской, ради беззащитныхъ дѣтей и сиротъ. Никого у меня нѣтъ, кромѣ тебя, кто бы осмѣлился вступить въ бой съ татарами!

— А гдѣ же, князь, другіе богатыри, что послушались тогда тебя и хотѣли учинить надо мной великую обиду?

— Охъ, Илья Муромецъ, разгнѣвались на меня богатыри и разѣхались по своимъ мѣстамъ!

— Ну, ладно, — отвѣчаетъ Илья. — А гдѣ же бояре и вельможи твои, ради которыхъ ты надъ нами, богатырями, издѣвался, съ которыми каждый день ты пиры да потѣхи устраивалъ?

— Не упоминай мнѣ о нихъ, Илья Муромецъ; всѣ они въ теремѣ моемъ собра-

лись, да что въ нихъ толку-то: трясутся отъ страха; имъ бы только пировать да бражничать.

— Ну, будь по-твоему, князь; не ради тебя поѣду я въ чистое поле, а ради земли русской. Поѣду я къ Батыгѣ и буду просить у него сроку три мѣсяца, чтобы могли мы собраться съ силою, чтобы успѣли наши богатыри съѣхаться!

Сказалъ это Илья и вышелъ вмѣстѣ съ Владиміромъ изъ глубокаго погреба. Пошелъ Илья въ чистое поле и свистнулъ тамъ богатырскимъ свистомъ. Откуда ни возьмись, является предъ нимъ его вѣрный товарищъ — богатырскій конь. Садится Илья на своего бурку и ѣдетъ прямо къ Батыгѣ. Подъѣзжаетъ къ его палаткѣ и входитъ туда безъ спроса. Хотѣлъ было остановить его татаринъ, что стоялъ на стражѣ, да Илья такого тумака далъ ему, что онъ не взвидѣлъ свѣта, перекувырнулся въ три переверта.

— Кто ты будешь таковъ?—спрашиваетъ грозно Батыга.

— Я—Илья Муромецъ, русскій богатырь, а пришелъ я къ тебѣ просить у тебя срока на три мѣсяца, чтобы съѣхались все наши богатыри, и тогда уже мы помѣряемся съ тобой силами.

Нахмурилъ брови Батыга и отвѣчаетъ Ильѣ:

— Ладно, будь по-твоему. Только напередъ ты долженъ помѣриться силою съ богатыремъ моимъ. Если одолѣешь — будетъ по-твоему, не одолѣешь — то завтра же на мѣстѣ Кіева одна пустыня будетъ!

Говоритъ такъ Батыга, а самъ думаетъ: „Гдѣ ему одолѣть моего богатыря!“

Илья соглашается и выѣзжаетъ на полединокъ съ огромнымъ татарскимъ богатыремъ. Съѣзжаются они какъ двѣ грозныя тучи, рубятъ другъ друга мечами, колютъ копьями. Соскочили съ коней и схватились въ рукопашную. Тутъ Илья схватилъ татарина, поднялъ выше головы своей и бросилъ наземь съ такою силою, что у татарина и духъ за разъ выскочилъ. Увидѣлъ это Батыга, перепугался и далъ Ильѣ Муромцу срока на три мѣсяца.

„Все равно вѣдь, — думаетъ Батыга, — имъ не собраться съ силами. У меня же силы столько, сколько листьевъ на деревьяхъ всехъ кіевскихъ лѣсовъ“.

Илья Муромецъ выѣзжаетъ въ чистое поле и ѣдетъ прямо къ высокой горѣ; въѣзжаетъ онъ на гору и начинаетъ смотрѣть на все четыре стороны, не увидитъ ли гдѣ богатырей своихъ. Долго смотрѣлъ

и приглядывался Илья; наконецъ, далеко на восточной сторонѣ, видитъ онъ въ полѣ раскинутый боевой шатеръ. Скоро-наскоро онъ спускается съ горы и ѣдетъ къ шатру. Подъѣзжаетъ онъ къ шатру и видитъ: стоятъ двѣнадцать богатырскихъ коней. По этимъ конямъ Илья узналъ, что здѣсь находятся его одиннадцать крестовыхъ братьевъ вмѣстѣ съ крестнымъ отцомъ, старымъ богатыремъ Самсономъ Самойловичемъ. Обрадовался Илья такой неожиданной встрѣчѣ, давно ужъ онъ не видалъ этихъ богатырей, и вбѣгаетъ на радостяхъ въ шатеръ.

— Здравствуй, мой крестный батюшка, Самсонъ Самойловичъ, здравствуйте и вы, мои крестовые братья! — кричитъ Илья.

Какъ увидели богатыри Илью Муромца, повекакали со своихъ мѣстъ и начали обниматься съ нимъ и цѣловаться.

— Ужъ какъ-то мы рады видѣть тебя; вѣдь мы думали, что ты погибъ давно. Вездѣ носились слухи, что Владиміръ посадилъ тебя въ глубокой погребъ и велѣлъ умерить голодною смертью!

Хотятъ богатыри угостить Илью Муромца, чѣмъ Богъ послалъ, но Илья останавливаетъ ихъ и говоритъ:

— Нѣтъ, не время теперь пиры разво-

дить намъ. Собралась надъ святою Русью грозная туча. Подъ самымъ Кіевомъ стоитъ татарскій ханъ Батыга Батыговичъ; онъ хочетъ Кіевъ взять, церкви разрушить, а православныхъ христіанъ увести въ свою орду поганую. Войска у него столько, что и глазомъ не окинешь. За вами нарочно я и пріѣхалъ, звать васъ на помощь князю Владиміру.

Задумались крѣпко богатыри. Наконецъ самый старшій изъ нихъ, Самсонъ Самойловичъ, и говоритъ:

— Далъ я себѣ зарокъ, положилъ заповѣдь, что никогда больше не поѣду въ Кіевъ, никогда не увижу князя Владиміра, потому что онъ слушаетъ своихъ бояръ и князей, а богатырей ни во что ставитъ!

— Знаю я и самъ, — отвѣчаетъ Илья, — что Владиміръ плохо обходится съ богатырями, что слушается онъ князей своихъ да бояръ. На себѣ вѣдь я испыталъ, какъ онъ почитаетъ насъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Не для него прошу я васъ ѣхать помѣряться съ Батыгой силами, не для княгини Апраксии, а зову я васъ постоять за святую Русь, за вдовъ и малыхъ сиротъ. Знаю я, что великъ будетъ тебѣ грѣхъ, Самсонъ Самойловичъ, если преступишь заповѣдь свою, — ну, да я беру половину твоего грѣха на себя!

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Самсонъ Самойловичъ, — великъ будетъ грѣхъ!

Тогда Илья Муромецъ принимаетъ на себя всѣ грѣхи своего крестнаго отца и уговариваетъ, наконецъ, его ѣхать на войну съ Батыгой. Сѣдлаютъ богатыри коней и ѣдутъ съ Ильей на гору посмотрѣть на Батыгины силы. Какъ вѣхали богатыри на гору да взглянули на татарское войско, — такъ и ахнули.

— Ну, и силы же у этого Батыги! — говоритъ Самсонъ-богатырь. — Ну, да, впрочемъ, Богъ милостивъ, авось и справимся. Вы, богатыри, оставайтесь здѣсь, а я поѣду одинъ, поизвѣдаю силу поганую!

Богатыри разбили палатку на самой вершинѣ горы, а Самсонъ, взявъ у нихъ благословеніе, поѣхалъ прямо на татарское войско. Мчится онъ стрѣлой и съ разбѣгу вѣзжаетъ въ самую средину стана. Какъ соколъ летаетъ Самсонъ-богатырь по татарскому войску; куда махнетъ своей палицей — тамъ и улица, копьемъ ударить — переулочекъ, поворотить своего богатырскаго коня — глядь и площадь готова. Бьется Самсонъ сутки, бьется другія, бьется и третья. Силы поганой все меньше становится, да и у Самсона сила убавляется. Чувствуетъ опъ, что скоро и совсѣмъ не будетъ въ немъ

силы, началъ онъ понемногу отступать, а какъ отступилъ къ горѣ, свистнулъ богатырскимъ свистомъ. Услыхали этотъ свистъ Илья Муромецъ со своими товарищами, сѣли поскорѣе на коней и помчались на помощь Самсону Самойловичу. Подъѣзжаютъ богатыри къ татарской силѣ и начинаютъ справляться съ ней по-своему. Илья ѣдетъ посрединѣ, а другіе богатыри по краямъ. Рубить Илья, — валится подъ нимъ сила поганая словно ковыль-трава. Видитъ Илья, что впереди три богатыря татарскихъ окружили Самсона Самойловича и хотятъ его сшибить съ коня на землю. Разыгралось сердце у Ильи Муромца, налетаетъ онъ на татарскихъ богатырей, схватилъ одного изъ нихъ за ноги, да и началъ махать имъ направо и налево. Не успѣлъ махнуть онъ и пяти разъ, какъ кругомъ словно поле чистое стало. Беретъ Илья Самсона Самойловича за бѣлыя руки, обнимаетъ его и говоритъ:

— А хорошо же ты, крестный нашъ батюшка, справляешься съ поганою силой!

— Ну, да и ты, Илья Муромецъ, охулки на руку не кладешь. Будутъ помнить тебя поганые татары!

— А теперь, — говоритъ Илья, — ты укради свое богатырское сердце, а мы за тебя поработаемъ.

Самсонъ Самойловичъ выѣхалъ въ чистое поле и направился къ бѣлому шатру, что раскинули они на горѣ, а Илья съ другими богатырями остался добывать Батыгу. Двѣнадцать дней безъ отдыха работали богатыри, перебили всю татарскую силу, а самого Батыгу въ плѣнъ взяли. Какъ только они управились съ татарами, то тотчасъ же поѣхали въ свой шатеръ за Самсономъ Самойловичемъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ столичный Кіевъ; подъѣзжаютъ къ шатру, а Самсонъ Самойловичъ спитъ и не отзывается. Зовутъ его въ другой разъ, — не отвѣчаетъ и на этотъ зовъ Самсонъ Самойловичъ.

„Что за диво?“ — думаютъ богатыри.

Вошли они въ палатку и увидѣли, что Самсонъ-богатырь преставился. Богатыри сняли шапки, перекрестились и зажгли у изголовья восковую свѣчу. Потужили-потужили богатыри, да дѣлать нечего, вырыли они глубокую яму и схоронили въ ней своего могучаго товарища. Отъ горы богатыри отправились прямо въ Кіевъ вмѣстѣ съ Батыгой, котораго Илья везъ въ подарокъ князю Владиміру. Еще за пять верстъ были богатыри отъ Кіева, а Владиміръ съ иконами, съ боярами, князьями и со всѣмъ народомъ ужъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Во

всѣхъ церквахъ въ колокола звонили, всѣ городскія ворота настежь растворили.

— Здравствуйте, могучіе богатыри! спасибо вамъ, что спасли вы святую русскую землю отъ гибели, что очистили ее отъ поганой силы татарской, что не дали въ обиду вдовъ, сиротъ и малыхъ дѣтей!

Говорить это Владиміръ, а самъ плачетъ отъ радости, и ведетъ дорогихъ гостей въ свой княжескій теремъ. Подъѣзжаютъ богатыри къ княжескому терему, а тамъ уже все готово: теремъ разубранъ золотомъ и бархатомъ, на дубовыхъ столахъ чего-чего только нѣтъ, пива и меду пять бочекъ-соковокъ стоятъ.

Приглашаетъ Владиміръ всѣхъ богатырей на почетныя мѣста. Садятся богатыри, и начинается пиръ и веселье такое, какихъ еще въ Кіевѣ никогда не бывало. Посреди пира Илья встаетъ и говоритъ:

— Хоть и худо ты обращался съ богатырями, князь Владиміръ, ну, да прощаемъ мы тебя ради торжества такого и даримъ на память тебѣ подарочекъ, самого Батыгу Батыговича!

— Спасибо вамъ, богатыри могучіе! А гдѣ же тотъ Батыга?

Всталъ Илья съ лавки, подошелъ къ

своему буркѣ, развязалъ одну сумочку переметную, вынулъ оттуда Батыгу и привелъ его въ княжескій теремъ.

— Вотъ тебѣ и Батыга-ханъ, — говоритъ Илья Владиміру. — Укажи, что намъ дѣлать съ нимъ?

Услышалъ эти слова Батыга и говоритъ Илья Муромцу:

— Слышалъ я про твое доброе сердце, могучій богатырь, будь добрымъ и ко мнѣ, — не губи меня! Вѣдь теперь я уже не страшный врагъ, а плѣнникъ вашъ: всю мою силу вы уложили въ чистомъ полѣ!

Усмѣхается Илья и говоритъ:

— Будь по-твоему, разбойникъ, полетай въ свою орду поганую!

Съ этими словами онъ подбросилъ Батыгу чуть не до облака. Перевернулся Батыга разъ двадцать въ воздухѣ и упалъ опять на княжескомъ дворѣ; тутъ изъ него и духъ вышелъ. А Владиміръ съ богатырями начали пиръ продолжать да Илью Муромца чествовать. Съ этихъ поръ совсѣмъ помирились богатыри съ Владиміромъ.

IX.

Не любилъ Илья Муромецъ засиживаться долго на одномъ мѣстѣ. Опять наскучили ему княжескіе пиры, и началъ онъ просить князя Владиміра, чтобы отпустилъ его въ чистое поле. Начали проситься и другіе богатыри. Нечего дѣлать, сдѣлалъ Владиміръ послѣдній пиръ, одарилъ богатырей подарками разными и отпустилъ ихъ на всѣ четыре стороны. Выѣхали богатыри за околицу, обнялись другъ съ другомъ и поѣхали въ разныя стороны. Илья поѣхалъ на родину повидать своихъ родителей. Какъ увидели его старики, такъ и заплакали отъ радости.

— А мы вѣдь слышали, что Владиміръ князь уморилъ тебя голодомъ!

— Ну, что было, то прошло, да и былъ-емъ заросло! — отвѣтилъ Илья и рассказалъ имъ всѣ свои богатырскія похождения.

Слушаютъ его старики — не наслушаются; глядятъ на него — не наглядятся.

Кончилъ Илья свои рассказы и говоритъ:

— А теперь я хочу поработать въ полѣ — походить за крестьянской работой.

Работаетъ Илья годъ, работаетъ другой,

и стало ему вдругъ скучно, и началъ онъ опять собираться въ отъѣздъ. Плачутъ старики, убиваются горемъ, а Илья говорить имъ:

— Не плачьте, родители мои почтенные, ненадолго ъду я отъ васъ; скоро конецъ придетъ моимъ богатырскимъ подвигамъ, и тогда я ужъ до самой смерти буду жить съ вами и помогать вамъ въ крестьянской работѣ.

Осѣдлалъ Илья своего вѣрнаго бурку и какъ вольный вѣтеръ умчался въ чистое поле. Долго онъ ѣхалъ, наконецъ остановился, раскинулъ шатеръ свой бѣлополотняный и началъ поджидать, не проѣдетъ ли мимо богатырь какой-нибудь, съ которымъ можно бы было перевѣдаться силушкой.

Не долго ждалъ Илья. Поутру подходитъ къ его палаткѣ странникъ, весь въ лохмотьяхъ, а въ рукѣ держитъ желѣзную палку въ сорокъ пудовъ.

— Здравствуй, сильный богатырь Илья Муромецъ!

— Здравствуй, добрый человекъ! не знаю, какъ тебя зовутъ по имени. Откуда идешь и куда путь свой направляешь?

— Отвѣчаетъ тогда Ильѣ Муромцу странникъ:

— Зовутъ меня Иванищемъ, а родомъ я изъ города Муромъ, изъ села Карачарова!

— Ой, дѣтина, по всему вижу, что ты забираешься. Я вѣдь и самъ оттуда, такъ какъ же я не видалъ тебя тамъ никогда и не слыхивалъ о тебѣ?—говоритъ Илья Муромецъ.

— Не видалъ ты меня,—отвѣчаетъ странникъ,—потому, что малолѣткомъ я еще былъ взятъ въ татарскій плѣнъ и тамъ прожилъ всю жизнь въ неволѣ. Наскучило мнѣ тамъ, рвался я все на святую Русь и далъ заповѣдь, коли удастся бѣжать изъ плѣна, сходить въ Иерусалимъ поклониться гробу Господню. Оно такъ и вышло. Какъ ушелъ я изъ неволи, то и направился сначала въ Иерусалимъ, помолился тамъ Богу, выкупался въ рѣкѣ Иорданѣ, приложился къ гробу Господню. Оттуда направился прямо на святую Русь. Какъ проходилъ я мимо Кіева, зашелъ и туда, поклонился князю Владимиру, приложился къ святымъ угодникамъ, а оттуда теперь иду домой, въ село Карачарово!

— А скажи мнѣ, добрый странникъ, все ли въ Кіевѣ благополучно, и какъ поживаетъ князь Владимиръ?—спрашиваетъ Илья.

Отвѣчаетъ Ильѣ Иванище:

— Охъ, неладно въ Кіевѣ,—стряслась бѣда большая! Наѣхалъ на городъ поганый Идолище, сынъ Батыги, съ силой непо-

мѣрной. Сидитъ онъ у Владиміра въ теремѣ и правитъ всѣмъ городомъ. Никто не можетъ справиться съ Идолищемъ: росту онъ будетъ больше пяти сажень, между плечами у него косая сажень, голова какъ пивной котель, глазищи какъ плошки, а носъ такъ, право, цѣлый сукъ столѣтняго дерева. Обязаетъ онъ всѣхъ—и вдовъ и сиротъ; княгиню Апраксию себѣ въ жены взялъ; церкви христіанскія заколотить велѣлъ, а странникамъ не велѣно давать милостыни!

Опечалился отъ этихъ рѣчей Илья Муромецъ. Пуще всего жаль ему вдовъ и сиротъ, и говоритъ онъ Иванищу:

— Не зналъ я, что струсилъ такая бѣда надъ стольнымъ Кіевомъ, а то не сидѣлъ бы я здѣсь сложа руки. А теперь, добрый человекъ, снимай свою одежду рваную, надѣвай мою богатырскую. Одѣнусь я странникомъ и пойду просить милостыни у Идолища поганого!

Одѣлся Илья странникомъ, взялъ у Иванища клюку желѣзную въ сорокъ пудовъ и отправился къ городу Кіеву.

Придя туда, онъ входитъ прямо на княжескій дворъ и кричитъ громкимъ голосомъ:

— Здравствуй, князь Владиміръ! выходи скорѣе и подавай святую милостыню страннику убогому!

Услыхалъ эти слова Идолище, да и кричитъ изъ терема:

— Положена у насъ заповѣдь не пускать странниковъ въ Кіевъ-городъ. Какъ же ты смѣлъ, прощелыга, безъ нашего вѣдома пробраться въ Кіевъ, да еще затесался къ намъ, на нашъ княжескій дворъ!

Громко кричитъ Идолище. Отъ его поганого голоса затряслись княжескія палаты, всѣ, кто былъ въ теремѣ, наземь повалились. Одинъ только Илья не шелохнулся, а еще смѣлѣе сталъ. Разыгралось въ немъ его могучее сердце, и входитъ онъ въ теремъ, на всѣ четыре стороны кланяется и осѣняетъ себя православнымъ крестомъ. Какъ увидалъ Илью Муромца князь Владиміръ, тотчасъ же узналъ его и чуть не заплакалъ отъ радости. Подбѣгаетъ Владиміръ къ Ильѣ и кричитъ на него громко:

— Какъ же ты смѣлъ пробраться въ Кіевъ-городъ да еще затесаться въ княжескій теремъ? Развѣ тебѣ не вѣдомо, что положена здѣсь заповѣдь не пускать странниковъ и никому не давать милостыни?— Говоритъ это громко Владиміръ, а самъ тихонько шепчетъ Ильѣ: — Богатырь ты нашъ могучій, выручи насъ изъ бѣды великой, прогони это поганое Идолище!

— Ладно, — отвѣчаетъ такъ же тихо Илья, — не усидитъ онъ здѣсь и до вечера!

А Идолице, между тѣмъ, обращается къ Ильѣ и говоритъ:

— А ну, странникъ Божій, гуляешь ты по бѣлу свѣту, разныя чудеса видишь, не встрѣчалъ ли гдѣ, скажи, богатыря Илью Муромца, который батюшку моего Батыгу Батыговича убилъ до смерти, а войско сильное уложилъ въ чистомъ полѣ? Ищу я его, да никакъ найти не могу, а то не сдобровать бы ему! Вотъ если видалъ ты его, то скажи намъ, великъ ли онъ собою?

Отвѣчаетъ Илья:

— Если хочешь знать Илью Муромца, то гляди на меня, — мы съ нимъ по одной колодкѣ сдѣланы!

Тогда опять спрашиваетъ поганое Идолице:

— А скажи теперь, много ли хлѣба онъ можетъ за одинъ присѣсть съѣсть, много ли вина можетъ за разъ выпить?

— Ъсть Илья по калачику въ день, да и пьетъ-то немного — по чарочкѣ только!

Какъ услышалъ это Идолице, началъ онъ надъ Ильей смѣяться:

— Вотъ такъ богатырь вашъ! Да ему и соломинки не перешибить, а не только сомною, могучимъ богатыремъ, справиться!

Вотъ я — богатырь такъ богатырь: хлѣба ѣмъ пуда по три за разъ, а вина однимъ духомъ выпиваю по цѣлому ведру!

Разгорѣлось у Ильи Муромца богатырское сердце, не вытерпѣлъ онъ и говоритъ:

— Слушай, поганое Идолице: была у Ильи Муромца корова. Много она пила поила, много ѣла хлѣба. Разъ наѣлась она такъ, да и лопнула. Смотри, чтобъ и съ тобой такого грѣха не случилось!

Услышалъ эти слова Идолице, разгнѣвался на странника, схватилъ свой острый мечъ и бросилъ со всей силы въ Илью. Илья посторонился немного, и мечъ пролетѣлъ мимо него, пробилъ насквозь стѣну и вылетѣлъ на дворъ.

„Ладно, — думаетъ Илья, — угощу же и я тебя, другъ сердечный!“

Беретъ онъ свою сорокапудовую клюку, да какъ хватить ею татарина по маковкѣ — такъ у того сразу изъ одной башки двѣ сдѣлалось. Покончивъ съ Идолицемъ, Илья выбѣгаетъ на дворъ, гдѣ стояли слуги татарскіе, и начинаетъ махать своей клюкой направо и налево, — валятся слуги какъ ковыль-трава. Скоро Илья очистилъ весь дворъ и весь городъ отъ нечистой силы басурманской; велѣлъ отворить всѣ церкви, молебны служить и въ колокола звонить. Помолясь

Богу, Владиміръ приглашаетъ Илью къ себѣ на пиръ, но Илья отказывается и говоритъ:

— Нѣтъ, спасибо тебѣ, князь, на добромъ словѣ: надо мнѣ торопиться въ чистое поле и отдать страннику-Иванищу его одежду и клюку, а то онъ ждетъ теперь меня въ шатрѣ моемъ!

Сказалъ это Илья, простился съ Владиміромъ и со всѣми православными христианами и отправился въ чистое поле; только его и видѣли.

X.

Съ этихъ поръ кончились богатырскіе подвиги Ильи Муромца; онъ поселился у своихъ старичковъ въ селѣ Карачаровѣ и началъ заниматься крестьянскими работами. Прошло нѣсколько времени; только однажды Илья приходитъ домой и видитъ, что старички его преставились. Погоревалъ Илья, погоревалъ, вырылъ могилу имъ и схоронилъ. И стало Ильѣ съ тѣхъ поръ скучно: не съ кѣмъ подѣлиться ни радостью ни горемъ; одинъ у него остался только вѣрный товарищъ—его неизмѣнный бурка.

Прошла зима, наступила красная весна,

и потянуло опять Илью въ чистое поле. Вотъ выводитъ онъ своего бурку, сѣдлаетъ его и отправляется въ чистое поле погулять, немного разогнать свою грусть-тоску.

Ѣдетъ Илья по чистому полю и чувствуетъ онъ, что приходитъ къ нему старость: посѣдѣлъ совсѣмъ, да и силы какъ будто поубавилось, и пуще прежняго взяла его тоска. Ѣхалъ онъ такъ три дня и три ночи и доѣхалъ до того мѣста, гдѣ сходятся три дороги. Видитъ Илья, что на этомъ мѣстѣ лежитъ бѣлый большой камень, а на томъ камнѣ надпись: „Направо ѣхать—богатымъ быть, налево ѣхать—женатымъ быть, а прямо ѣхать—убитымъ быть“. Прочиталъ Илья надпись и задумался.

„Жениться мнѣ ужъ поздно, на богатство я не льщусь, такъ поѣду лучше по той дорогѣ, гдѣ убитымъ быть. Все равно вѣдь мнѣ написано на роду, что не убьетъ меня никто въ бою, а если и убьютъ, такъ не жалко: старикъ ужъ я, да и скучно жить одному на бѣломъ свѣтѣ!“

Подумалъ это Илья и поѣхалъ по прямой дорогѣ. Ѣдетъ Илья день, Ѣдетъ другой,—ни по сторонамъ ни впереди ничего не видно, одинъ только дремучій лѣсъ шумитъ, да филинъ иногда прокричитъ. На третій день Илья подѣзжаетъ къ высокому дубу

и видитъ: подъ тѣмъ дубомъ сидитъ сорокъ одинъ разбойникъ. Какъ увидали они богатыря, стали сговариваться убить его. А Илья имъ такую рѣчь держитъ:

— Охъ, вы, добрые молодцы, удалые разбойнички! за что вы хотите убить меня? Нѣтъ у меня для васъ никакихъ богатствъ, кромѣ силы моей богатырской!

Сказалъ это Илья, вынулъ стрѣлу и пустилъ ее въ сырой дубъ, подъ которымъ сидѣли разбойники. Взвилась стрѣла какъ молнія, ударилась въ дубъ и разбила его на мелкія щепочки. Какъ увидали разбойники такую силу богатырскую, перепугались всѣ, упали на землю и начали просить Илью, чтобы пощадилъ онъ ихъ.

— Не знали мы, что съ такимъ богатыремъ встрѣтились! Ты прости ужъ насъ, разбойниковъ; бери съ насъ, что хочешь: золотую ли казну, цвѣтное ли платье или табуны коней нашихъ!

— Будетъ вамъ лежать на сырой землѣ, — отвѣчаетъ имъ Илья. — Кабы мнѣ брать съ разбойниковъ золотую казну, то давно бы ужъ у меня отъ золота ломились погребца; а если бы мнѣ брать лошадей, то теперь бы не сосчитать моихъ табуновъ!

Сказалъ это Илья Муромецъ, поворотилъ своего коня и поѣхалъ къ тому камню, на

которомъ онъ прочиталъ надписи. Приѣзжаетъ къ камню, стираетъ старую надпись, а на мѣсто ея пишетъ новую: „Бздилъ я, Илья Муромецъ, прямой дорогой, а убить не былъ!“

Послѣ этого Илья рѣшился ѣхать по той дорогѣ, гдѣ *быть женатымъ*. Ёдетъ Илья день, ѣдетъ другой, ѣдетъ и третій. Къ вечеру третьяго дня очутился онъ передъ большимъ богатымъ теремомъ съ золотымъ верхомъ. Кругомъ терема идетъ высокій тынъ, а на каждой тычинѣ воткнуто по молодецкой головѣ. Слѣзаетъ Илья съ коня, привязываетъ его къ тыну, а самъ идетъ къ воротамъ; стучится разъ, стучится другой, — никто не отпираетъ и не показывается. Наконецъ Илья толкнулся въ третій разъ, да такъ крѣпко, что ворота повалились, повалились и маковки на теремѣ. Тогда только на крыльцѣ показалась хозяйка — царевна, а такой красоты, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать.

— Здѣсь ли мнѣ женатымъ быть? — спрашиваетъ Илья; но царевна ничего не говоритъ, только усмѣхается.

Беретъ она стараго богатыря за бѣлыя руки и ведетъ въ свой высокій теремъ. Привела его въ теремъ и усадила на почетное мѣсто за дубовый столъ и начала

его угощать разными яствами и опаивать разными питьями. Накормила, напоила и повела она Илью спать. Тутъ Илья не вытерпѣлъ, схватилъ прекрасную царевну и бросилъ ее на широкую кровать.

— Попробуй, — говоритъ, — сама сначала полежать на своей тесовой кроваткѣ!

Не успѣлъ еще Илья всю рѣчь вымолвить, какъ кровать подломилась, и царевна полетѣла въ глубокой погребъ. Заглянулъ Илья туда и видитъ: сидятъ тамъ въ неволь сорокъ царевичей, обманутыхъ прекрасной царевной. Выбѣгаетъ тогда Илья на широкій дворъ, отворяетъ глубокой погребъ и выпускаетъ оттуда всѣхъ, кто тамъ сидѣлъ. Вышли царевичи и не могутъ опомниться отъ радости, обнимаютъ Илью Муромца и называютъ его своимъ спасителемъ.

— Ну, — говоритъ имъ Илья, — ступайте теперь, царевичи, по своимъ мѣстамъ; навѣстите своихъ женъ и малыхъ дѣтушекъ, а я останусь здѣсь и расправлюсь по-своему съ царевной-обманщицей!

Убѣхали царевичи, а Илья вошелъ въ погребъ, схватилъ царевну за косу и вытащилъ ее на широкій дворъ. Плачетъ царевна, убивается, но не слушаетъ ея Илья Муромецъ и тащитъ ее къ высокому дубу. Привязалъ Илья царевну къ дубу и пустилъ

въ нее свою богатырскую стрѣлу. Стрѣла попала прямо въ грудь царевнѣ, и случилось вдругъ тутъ чудо чудное. Смотритъ Илья, а вмѣсто царевны-красавицы привязана къ дереву старая вѣдьма безобразная-пребезобразная, хуже самого чорта.

— А! такъ вотъ какъ! Такъ это ты, старая вѣдьма, обманывала прекрасныхъ царевичей, обратившись въ красавицу-царевну! Ну, стой же, я раздѣлаюсь съ тобой по-своему!..

Взялъ Илья самую острую стрѣлу, перекрестилъ ее и пустилъ прямо въ сердце старой вѣдьмѣ. Взвилась стрѣла и угодила въ самое сердце старухѣ... Старуха и не пикнула. Снимаетъ Илья вѣдьму съ дерева, разжигаетъ костеръ на дворѣ и бросаетъ въ него вѣдьму. Горитъ вѣдьма, трескъ идетъ отъ нея по всему лѣсу, а Илья крестится и молитву читаетъ. Не прошло и часу, какъ отъ вѣдьмы одинъ только пепель остался. Зажегъ Илья тогда и теремъ ея бѣсовскій и поѣхалъ обратно къ тому камню, отъ котораго три дороги расходятся. Подъѣзжаетъ Илья къ камню, стираетъ старую надпись и пишетъ новую: „Бздилъ Илья Муромецъ налѣво, а женатъ не былъ“.

„Ну, а теперь, — думаетъ Илья, — поѣду

направо, посмотрю, что за богатства такія невиданныя лежатъ тамъ“.

Идетъ Илья день, идетъ другой, а на третій день подъѣзжаетъ къ высокой горѣ, а въ ту гору сдѣланы ходы, и заперты эти ходы желѣзными замками. У самой горы стоитъ столбъ, а къ столбу привязанъ колоколь.

„Что за притча?“—думаетъ Илья.

Слѣзаетъ онъ съ коня, беретъ веревку, что привязана къ колоколу, и начинаетъ звонить. Вдругъ, откуда ни возмись, выходитъ къ Ильѣ старій-престарій старичокъ съ ключами и ведетъ его къ желѣзнымъ дверямъ, отпираетъ двери и впускаетъ Илью въ подземелье.

— Ступай, — говоритъ старикъ, — сколько захватишь богатства, все твое будетъ!

Идетъ Илья по подземелью и дивится богатствамъ невиданнымъ: направо и налево навалены цѣлыя груды золота, жемчугу и самоцвѣтныхъ камней.

„Куда мнѣ, — думаетъ Илья, — съ этимъ богатствомъ?“

Повернулъ назадъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно. Подъѣзжаетъ Илья къ камню, стираетъ старую надпись и пишетъ новую: „Ѣздилъ Илья Муромецъ по правой дорожкѣ, а богатъ не былъ!“

Послѣ этого Илья отправляется въ стольный городъ Кіевъ, въѣзжаетъ на княжескій дворъ и входитъ въ теремъ къ князю Владиміру.

— Ну, великій князь, пришелъ я къ тебѣ съ радостной вѣстью. Ѣздилъ я по чистому полю и встрѣтилъ такія богатства, которыя тебѣ и во снѣ не снились. Отправляй скорѣе туда слугъ своихъ и забирай себѣ богатства. Только половину изъ нихъ раздай бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, изъ другой половины часть отдай на монастыри и храмы, а всемъ остальнымъ самъ владей. Отъ меня же ужъ больше службы не жди, — пора мнѣ и на покой!

Сказалъ это Илья и отправился прямо въ кіевскія пещеры къ святымъ угодникамъ. Здѣсь онъ поселился навсегда и все время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Прожилъ онъ въ пещерахъ еще десять лѣтъ и померъ, когда ему исполнилось полтора ста лѣтъ. Сколько всѣхъ его подвиговъ было на пользу земли русской — и сосчитать нельзя. Недаромъ онъ и прозывается „набольшимъ богатыремъ русской земли“.

К О Н Е Ц Ъ .